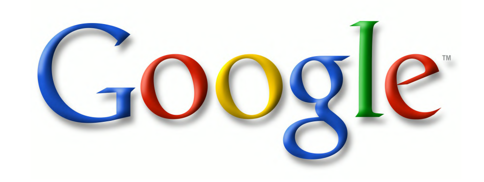

Н. П. Лихачевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ДИПЛОМАТИКИ

(XIX в.)

(Перепечатано съ литографированныхъ записокъ съ разрѣшенія автора, но безъ исправленія).

Завѣдующій Изданіемъ Слушатель 2 курса Ученый Лѣсоводъ

Митр. Ив. БѢЛАВЕНЕЦЪ.

Изданіе Слушателей Института.

С.-Петербургъ. 1905—1906 учебн. г.

Издано на правахъ рукописи.

Печатано съ разрѣшенія Императорскаго Археологическаго Института.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Н. П. Лихачевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ДИПЛОМАТИКИ (XIX в.).

Отдѣльныя лица основываютъ учрежденія, пишутъ уставы, опредѣляютъ цѣли и границы созданнаго, а жизнь перерабатываетъ и исправляетъ дѣла человѣческія, сообразно съ требованіями даннаго времени. Археологическій Институтъ по мысли основателя и по самой сущности своей, какъ копія съ Ecole des Chartes, имѣлъ задачей приготовленіе ученыхъ архивистовъ и ученыхъ хранителей музеевъ; сама жизнь видоизмѣнила характеръ учрежденія, придавъ ему широкія просвѣтительныя задачи. Въ Институтѣ неожиданно стеклось множество лицъ, желающихъ познакомиться съ различными научными знаніями, касающимися археологіи и архивнаго дѣла, не ради пріобрѣтенія положенія и должностей (чего впрочемъ русскій институтъ и не могъ давать), а изъ любви къ дѣлу, изъ жажды къ изученію прошлаго, изъ интереса къ знаніямъ отвлеченнымъ, явленіе отрадное тѣмъ болѣе, что именно въ наше время цѣнность этихъ отвлеченныхъ знаній доведена до minimum'а.

Не бѣда, если не всѣ слушатели института станутъ учеными спеціалистами, простое ознакомленіе съ курсами, читаемыми въ Институтѣ, дастъ возможность каждому изъ нихъ оказать при случаѣ большія услуги родинѣ. Куда бы не закинула судьба бывшаго слушателя Института, онъ вездѣ окажется на стражѣ науки. Не забудетъ отмѣтить мѣстонахожденіе первобытныхъ древностей, разберется въ разныхъ культурахъ, укажетъ на все значеніе совмѣстнаго нахожденія монетъ съ вещами. Непонятная надпись, трудно читаемая монета—не остановитъ его, потому что онъ знаетъ, куда надо обратиться въ такомъ случаѣ. При перестройкахъ, реставраціяхъ и уничтоженіи памятниковъ церковныхъ, яко бы для вящшаго благолѣпія, всякій слушатель Института попытается остановить

*

несвѣдующихъ, укажетъ съ кѣмъ надо посовѣтоваться. Встрѣтятся рукописи—славянскія и русскія, ознакомленный съ палеографіей слушатель разберется въ ихъ сравнительной древности и важности; встрѣтится архивъ—и тутъ, не будучи спеціалистомъ по архивному дѣлу или коллекціонеромъ, всякій бывшій въ Институтѣ, припомнитъ какъ надо обращаться съ документами, описывать ихъ и располагать по извѣстной системѣ.

Обширна Русь и много еще таитъ она архивныхъ, а особенно археологическихъ сокровищъ. Всѣмъ будетъ дѣло. Всѣмъ хватитъ работы! Не даромъ, въ сознаніи этого, Институтъ такъ широко открылъ свои двери, не обращая вниманія на свою скудность, на крайнюю тѣсноту помѣщенія.

Задача дипломатики въ данномъ случаѣ заключается въ ознакомленіи съ разными видами документовъ, ихъ мѣстонахожденіемъ, способами критики и научнаго изученія. Конечно во главу угла, должно лечь изученіе актовъ русскихъ, но внимательное изслѣдованіе формъ, терминовъ, знаковъ укрѣпленія, самой внѣшности и матеріала указываетъ на сложную амальгаму вліяній. Жаркій климатъ напримѣръ, вызвалъ появленіе свинцовыхъ печатей; въ Византіи этотъ типъ сталъ общераспространеннымъ; начиная отъ Императора, кончая простымъ монахомъ (въ сущности отрѣшившимся отъ міра)—всѣ печатали свинцовыми пломбами. Русскія печати Двинскихъ грамотъ, имѣютъ источникомъ византійскій обычай совершенно одинаково съ папскими буллами, употреблявшимися еще при настоящемъ папѣ Львѣ XIII.

Одной изъ существенныхъ задачъ курса дипломатики является указаніе на мѣстонахожденіе актовъ и степень ихъ научной разработки и опубликованія.

Переходя къ археографической дѣятельности XIX столѣтія, мы предварительно прослѣдимъ судьбу одного очень важнаго основного археографическаго источника. Я подразумѣваю монастырскіе и церковные архивы XVII вѣкъ обильно позаимствовалъ изъ большихъ правительственныхъ архивовъ; XIX обратилъ вниманіе на акты, происходившіе изъ монастырей, много путался съ ними, выбиралъ кусочками, но задачу систематическаго ихъ использованія передалъ текущему XX столѣтію. Будемъ надѣяться, что новый вѣкъ справиться съ задачей тѣмъ болѣе, что матеріалъ сокращается путемъ уничтоженія, хотя не очень быстро, но съ «довольной» энергіей.

Старые русскіе монастыри являются огромной исторической

силой; они были центрами просвѣщенія и равно наиболѣе безопасными мѣстами отъ всякаго рода насилія. Подвижниковъ окружали, а потомъ смѣняли люди дѣятельные, умные и ловкіе практики. Довольно рано произошла борьба между идеалистами—нестяжателями, и матеріалистами—старавшимися всѣми мѣрами округлять монастырское имущество. Побѣдили матеріалисты. Русскіе люди всегда пребывали въ увѣренности, что отъ грѣховъ можно и слѣдуетъ откупаться. Теперь господствуетъ теорія спасительности посмертной постройки богадѣленъ и больницъ, въ виду того, что молитвы призрѣваемыхъ старичковъ и болящихъ особенно доходны до Бога, денегъ же всё равно съ собой не унесешь; въ старой Руси особыя надежды возлагались на молитвы земныхъ ангеловъ, какими являются монахи. Состоятельные люди Московской Руси настолько сознавали свою грѣховность, съ такою тароватостью готовы были лишить всего себя и своихъ близкихъ, что уже въ XVI столѣтіи правители, сами неустанно замаливавшіе грѣхи всякаго рода даяніями и вкладами, принялись за ограниченіе монастырей, ставшихъ богатыми и льготными вотчинниками.

Новѣйшія изслѣдованія обнаружили и изнанку монастырской дѣятельности. Всѣ округа постепенно подпадали подъ экономическій гнетъ монастыря. Вкладныя и купчія нерѣдко оказываются скрытыми кабалами, по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ и крестьянамъ, монастырь являлся прямо ростовщикомъ.

Такая хозяйственная дѣятельность требовала бухгалтеріи и архивовъ; обиліе средствъ позволило обзаводиться каменными постройками, раньше городскихъ приказныхъ избъ (что естественно уменьшало вредъ отъ пожаровъ); значительная часть монастырей, даже въ смутное время не подверглась разгрому.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ предварительное понятіе о томъ изобиліи документовъ, которые находились въ «казнахъ» монастырей вотчинниковъ.

Перечислимъ нѣсколько видовъ монастырскихъ актовъ:

На наличное монастырское имущество имѣлись драгоцѣнныя описи, подробныя и точныя, возобновлявшіяся время отъ времени при вступленіи въ должность новыхъ архимандритовъ или игуменовъ.

Постоянно велись, иногда въ нѣсколькихъ спискахъ, вкладныя и кормовыя книги.

Все земельное имущество описывалось государевыми писцами

(вмѣстѣ съ описаніемъ земель прочихъ владѣльцевъ); цѣлыя писцовыя и переписныя книги, или обширныя сотныя выписи поступали въ казну и присоединялись къ болѣе раннимъ; при владѣніи въ разныхъ уѣздахъ—дѣлались сводныя книги, въ оффиціальныхъ приказныхъ копіяхъ; въ большихъ монастыряхъ имѣлись копіи сотныхъ и по уѣздамъ.

Драгоцѣнной особенностью монастырскихъ архивовъ было то, что рядомъ съ книгами, въ которыхъ владѣнія были утверждены за монастыремъ, хранились и всѣ акты, по которымъ земля поступала въ монастырь, мало того всѣ документы по которымъ владѣли землею и прежніе ея обладатели въ теченіе возможно долгаго времени. Родовой выкупъ и отсутствіе настоящихъ точныхъ плановъ неоднократно вызывало тяжбы и необходимость выхлопатывать правыя грамоты. Благодаря этому порядку монастыри въ XVIII столѣтій хранили грамоты XIV—XV вѣковъ, неоднократно списанныя, подтверждаемыя и въ коихъ юридической надобности собственно уже не настояло.

Судя по сохранившимся образцамъ приходо-расходныя книги велись образцово и систематично. Кромѣ главной казначейской книги, велось множество частныхъ, въ которыхъ вѣдался напримѣръ, хлѣбъ, скотъ, монашеская одежда и т. д. Всякій монахъ, ѣздившій по какому нибудь порученію, получалъ наказъ и представлялъ подробный отчетъ. Съ подворьями въ Москвѣ, гдѣ находились такъ сказать монастырскіе юристъ-консульты и присяжные повѣренные, велась дѣятельная переписка.

Въ большомъ обиліи хранились и всевозможныя подрядныя и кабалы.

Головной частью архива писавшейся въ началѣ всѣхъ описей считался его, такъ сказать, историческій отдѣлъ, тѣсно связанный впрочемъ съ имущественнымъ. Жалованныя и льготныя грамоты, грамоты указныя; грамоты митрополичьи и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что монастыри вели обширную частную переписку; весьма характеристично, что частныя письма однако являются чрезвычайною рѣдкостью и сохраненіе ихъ всегда дѣло случая. И увы! что для монаховъ XVI столѣтія теряло цѣнность по прочтеніи, для современнаго историка было-бы драгоцѣнно!

Съ Петра Великаго началось утѣсненіе монастырей: правительство добиралось до монастырскихъ имѣній въ нѣсколько пріемовъ. Наконецъ въ 1762 году императрица Екатерина II образовала коммиссію для отчужденія въ казну недвижимыхъ

церковныхъ имуществъ и установленія монастырскихъ штатовъ. Вмѣстѣ съ землями отъ монастырей отобрали и всѣ документы, имѣвшіе отношеніе къ землямъ. Громадная масса древнихъ актовъ свезена была во вновь возобновленную въ 1763 году Коллегію Экономіи и тамъ была регистрирована, можетъ быть вслѣдствіе того, что коллегіи пришлось въ теченіи 23 лѣтъ завѣдывать монастырскими землями, а вѣроятнѣе просто при сдачѣ документовъ въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Въ 1786 году. завѣдываніе бывшими церковными имуществами перешло въ Казенныя Палаты, а документы нѣсколько лѣтъ подготовлявшіеся къ сдачѣ, были переданы въ Государственный Архивъ Старыхъ дѣлъ.

Открытіе Архива Старыхъ дѣлъ послѣдовало 13 марта 1783 года [1]), но сдача документовъ изъ Коллегіи Экономіи производилась въ 1787 году (именно велѣно было окончить сдачу къ 1-му января 1788 года). Сданы были «жалованныя грамоты, выписи, «разнаго званія» крѣпостные акты въ столбцахъ (13.252) и книгахъ (2764)» [2]). Сверхъ всего поступили еще 17 коробовъ съ истлѣвшими дѣлами, «за казенною печатью».

Нельзя при этомъ не упомянуть проницательности знаменитаго Герарда Фридриха Миллера. П. Н. Милюковъ въ его портфеляхъ нашелъ документы, что «незадолго до смерти (3-го декабря 1782 года), по поводу учрежденія при Сенатѣ новаго архива Старыхъ дѣлъ—онъ хлопоталъ о передачѣ изъ него въ Архивъ Иностранной Коллегіи—грамотъ упраздненной Коллегіи Экономіи «по елику оныя для исторіи Россійской Имперіи необходимо нужны». «А, между тѣмъ» замѣчаетъ Милюковъ [3]), «историческое значеніе этихъ грамотъ, составляющихъ единственное въ своемъ родѣ собраніе монастырскихъ актовъ XIV и XV в.в. (не говоря о послѣдующемъ времени) и въ наше время сознается слишкомъ немногими».

Монастырскіе архивы отобраны были въ Коллегію Экономіи далеко не полностью; систематически оставлено было все, что не касалось поземельныхъ владѣній, но и изъ актовъ, относящихся до землевладѣнія монастырями было утаено довольно много. Мы увидимъ еще, какое отношеніе эти остатки имѣли

---

[1]) Описаніе Докум. и бумагъ Арх. Юстціи, кн. V. (1888) стр. 404.

[2]) Ibidem стр. 414.

[3]) П. Н. Милюковъ: „Главныя теченія русской исторической мысли“ т. I, (изд. 2 М. 1898), стр. 121.

къ дѣятельности Археографической Коммиссіи; отмѣтимъ лишь, что знаменитая Мстиславова грамота древнѣйшій нашъ дипломатическій подлинникъ и по сіе время находится въ монастырѣ.

Часть важныхъ и древнихъ документовъ была удержана въ качествѣ мѣстной святыни, какъ память объ основателяхъ обителей (наприм. вкладная Варлаама, духовная Алексѣя митрополита и т. д.) большая же часть просто смѣшалась съ архивомъ хозяйственныхъ бумагъ, на которыя не обратила вниманія не только Коллегія Экономіи, но объ использованіи коихъ пошла рѣчь лишь въ самое послѣднее время. Въ монастыряхъ остались описныя книги (несмотря на замѣну ихъ новыми), книги вкладныя и кормовыя, потерявшія собственно значеніе, за нарушеніемъ обязательства съ одной стороны. Монахи за вклады должны были вѣчно молить Бога и поминать вкладчиковъ, а эти то вклады неожиданно и были отняты.

Кипы приходо-расходныхъ книгъ, только дразнили монаховъ напоминая имъ о прежнемъ благополучіи.

Мало по мало въ отношеніи къ рукописнымъ собраніямъ и архивнымъ дѣламъ въ монашествѣ совершилась коренная перемѣна.

Въ старой Руси монахи хозяева заботливо вели свое хозяйство, знали ему очетъ и ревностно приумножали; систематическій подборъ документовъ охранялъ имущество на случай споровъ и тяжбъ. Въ новой Руси чиновники въ рясахъ переходятъ изъ монастыря въ монастырь на кормленіе съ обязанностію стеречь казенное добро. Храненіе разницъ еще было понятно богомольцы любятъ благоговѣйный осмотръ святынь, умиляются даже передъ топоромъ каменнаго періода, якобы принадлежавшимъ Петру Великому (Троице-Сергіева Лавра) и французскимъ ядромъ изъ Севастополя; добровольная мзда поддерживаетъ монастырскую братію. Но что дѣлать съ нечитаемыми рукописями и старыми бумагами. Мѣсто они занимаютъ, а кромѣ непріятностей монастырю ничего не приносятъ. По немногу выработалось даже какое то озлобленіе противъ архивнаго хлама, совершенно напрасно вызывавшее и вызывающее недоумѣніе археографовъ. Дѣло житейское. Живутъ монахи спокойно, вдругъ появляется любопытный архіерей вродѣ Евгенія Болховитинова, желаетъ осмотрѣть, а въ результатѣ того гляди выговоръ за неисправное храненіе и предписаніе описать. А кому описывать? Нивремени, ни охоты, а главное знаній ни у кого нѣтъ. Посѣтятъ ученые монастырь, недосмотритъ монахъ,

увидятъ что лишнее, а въ результатѣ кляуза, бумага отъ начальства, что до свѣдѣнія дошло какъ смѣютъ держать вещи безъ описи.

Надо сказать, что въ смыслѣ ученыхъ интересовъ и высшее духовенство XVIII, а отчасти и XIX столѣтія стояло весьма не высоко. На одного «просвѣщеннаго» іерарха приходились десятки лицъ съ полнымъ правомъ на названіе непросвѣщенныхъ. Дѣйствовали больше предписаніями объ описяхъ, угрозами и отобраніями.

Существуютъ двѣ записки, обѣ, если не ошибаюсь, на правахъ рукописи—одна Н. К. Никольскаго, другая покойнаго сочлена нашего Львова,—обѣ онѣ касаются вопроса объ охранѣ древностей, и обѣ полны безотрадныхъ фактовъ. Монашескій взглядъ на документы, къ сожалѣнію болѣе чѣмъ распространенный, прекрасно выраженъ въ статьѣ», Историко—Статистическое описаніе Николаевскаго Корельскаго монастыря» (Въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ), авторъ которой, отмѣчая существованіе неразобраннаго монастырскаго архива, прибавляетъ, что въ немъ находятся многія дѣла— «кои, за отобраніемъ всѣхъ тѣхъ вотчинъ, угодьевъ и крестьянъ отъ монастырей, при изданіи штатовъ, нынѣ дѣлаются совершенно неинтересными»... (см. № 11 отъ 15-го Марта).

Было время, когда отъ такихъ неинтересныхъ архивовъ монахи старались отдѣлаться, какъ попало, топили въ прорубяхъ (какъ случилось при Евгеніи), жгли, прятали въ такія мѣста, гдѣ они гнили и уничтожались. Археографическія экспедиціи и синодальные ревизоры, отбиравшіе документы и дѣла цѣлыми ворохами, указали, что и этотъ мнимый хламъ долженъ имѣть свою цѣнность. Монастырскіе акты стали встрѣчаться на книжныхъ рынкахъ, то по мелочамъ, то цѣлыми собраніями. Важнѣйшій случай—покупка уже изъ третьихъ рукъ старикомъ старообрядческимъ антикваромъ П. В. Шибановымъ части архива Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, перепроданнаго потомъ отчасти графу С. Д. Шереметьеву и по мелочамъ, но въ главной массѣ пріобрѣтеннаго Н. К. Никольскимъ. Надо замѣтить, что документы этого архива попали въ библіотеку С.-Петербургской Духовной Академіи вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей, а частью въ Императорскую Публичную библіотеку. Архивные документы Спасо-Прилуцкаго монастыря мало по малу въ теченіе пятнадцати—двадцати лѣтъ разошлися по всевозможнымъ правительственнымъ и частнымъ собраніямъ.

Много архивнаго матеріала уничтожено, разбито и перепорчено, но и до сихъ поръ много еще сохранилось. Затаиваютъ свои архивы самые главные монастыри, никогда не терпѣвшіе отъ погромовъ и пощаженные даже смутнымъ временемъ. Въ монастыряхъ не большихъ обнаруживаются цѣнныя собранія. Не могу не обратить Вашего вниманія на работу покойнаго А. К. Жизневскаго по документамъ Антоніева Краснохолмскаго монастыря; она служитъ прекраснымъ доказательствомъ, какъ цѣнны и интересны древнѣйшія хозяйственныя книги монастырей. Можно было-бы привѣтствовать появленіе нѣсколькихъ томовъ такого экономическаго и бытового матеріала. Конечно, ядро документальныхъ коллекцій, находящееся теперь въ Архивѣ Министерства Юстиціи, есть основа и нѣчто самостоятельное но неполноту его ярко выказываетъ хотя-бы примѣръ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Документы этой знаменитой обители, находящіеся въ громадныхъ сборникахъ библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи; описи и списки отпечатанные въ Вѣстникѣ Археологическаго Института, все вмѣстѣ взятое представляетъ такую массу, передъ которой блѣднѣютъ многочисленные подлинники бѣлозерскаго уѣзда Грамотъ Коллегіи Экономіи. Давно, давно пора еще разъ обревизовать наши монастыри въ отношеніи бумагъ, оставшихся «неинтересными» для стараго поколѣнія археографовъ.

Если ученый нѣмецъ, знаменитый Ѳ. И. Миллеръ, первый замѣтилъ значеніе актовъ изъ монастырскихъ архивовъ, то русскому всётаки суждено было первому воспользоваться хотя бы частью громаднаго матеріала, лежавшаго въ безвѣстности. 18 Декабря 1767 года въ Воронежѣ у приходскаго священика Алексѣя Болховитинова родился сынъ Евфимій, котораго впослѣдствіи М. П. Погодинъ наименовалъ «неутомимымъ бенедиктинцемъ.» П. Н. Милюковъ вообще строгій при опредѣленіи значенія этого бенедиктинца въ русской исторіографіи, прекрасно очертилъ дѣятельность его, сказавъ, что вся жизнь Евгенія Болховитинова была одною сплошною археографическою экспедиціей.

Дѣтство будущаго ученаго было непривѣтливо, отецъ былъ бѣденъ и къ тому же умеръ, оставивъ мальчика въ очень тяжеломъ положеніи. Къ счастью онъ попалъ за голосъ въ архіерейскій хоръ, научился тамъ читать и писать, и вскорѣ поступилъ въ семинарію, гдѣ трудолюбіемъ и необыкновенными способностями обратилъ на себя вниманіе тогдашняго Воронежскаго

архіерея Тихона. По окончаніи курса въ семинаріи Евѳимій Болховитиновъ былъ отправленъ въ Москву въ Славяно-Греко-Латинскую академію. Наконецъ то жажда знанія удовлетворена; съ удивительной энергіей молодой студентъ принимается за занятія; не довольствуясь Академіей, онъ стремится слушать профессоровъ Московскаго Университета, выискиваетъ немногіе часы свободнаго времени, чтобы погрузиться въ изученіе иностранныхъ языковъ.

Передъ нами воскресаетъ типъ настоящаго бенедиктинца, чувствуется, что этому страстному юношѣ суждено быть монахомъ.

Въ нѣсколько лѣтъ была пріобрѣтена солидная эрудиція, которая рѣзко отличала Евфимія отъ большинства тогдашнихъ ученыхъ.

Болховитиновъ хорошо изучилъ нѣсколько языковъ и щегольски писалъ по латыни не только сочиненія (оставшіяся въ рукописи), но и письма. Печататься Болховитиновъ сталъ очень рано, нѣсколько его переводовъ издано въ Москвѣ, начиная съ 1788 года; на надѣятельность по разработкѣ руской исторіи онъ выступилъ значительно позднѣе. Труды его, какъ это обыкновенно и бываетъ, находились въ тѣсной связи съ мѣстомъ его служенія.

Изъ Академіи молодому ученому пришлось возвратиться на родину въ Воронежъ и приняться за преподавательную дѣятельность—въ семинаріи онъ преподавалъ риторику, французскій языкъ и курсъ римскихъ и греческихъ древностей. Это не помѣшало ему написать «Обозрѣніе Воронежской губерніи» (1800) и принявъ рукоположеніе въ священники (онъ женился при томъ на купеческой дочери) взявъ обузу занятій въ консисторіи. Смерть жены и дѣтей потрясла Болховитинова такъ, что онъ сталъ думать о монашествѣ и переѣздѣ въ столицу. Покровительство Н. Н. Бонтыша—Каменскаго, извѣстнаго архивиста, съ которымъ Болховитиновъ познакомился еще въ Москвѣ, устроило ему назначеніе префектомъ Александро-Невской Академіи, съ порученіемъ преподавать философію и высшее краснорѣчіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ чрезвычайной быстротою былъ постриженъ съ именемъ Евгенія, посвященъ въ архимандриты и сталъ членомъ С.-Петербургской Консисторіи. Всё это случилось въ 1800 году, а въ началѣ (17 Января) 1804 года Евгеній Болховитиновъ хиротонисанъ епископомъ Старорусскимъ; въ Январѣ 1808 года, — переведенъ въ Вологду;

осенью 1813 года — переведенъ въ Калугу; въ Февралѣ 1816-въ Псковъ, и въ Январѣ 1822 года сдѣлался митрополитомъ Кіевскимъ (ум. 23 февраля 1837 года). Если вообще такое быстрое перемѣщеніе архіереевъ съ каѳедры на каѳедру, (уступающее только передвиженіямъ нашихъ дипломатовъ за отличную дѣятельность въ Бухарѣ переводящихся въ министры резидинты къ папѣ, и заумѣніе ладить и проникновеніе въ политику римской церкви повышенія посломъ въ Японію), не особено согласно съ каноническими правилами, то въ данномъ случаѣ, оно принесло громадную пользу наукѣ. Евгеній въ каждой епархіи съ необыкновенной энергіей принимался за осмотръ и описаніе древностей, объѣзжалъ монастыри, осматривалъ библіотеки, вездѣ набиралъ и записывалъ факты прошлой исторической жизни. Какъ извѣстно, онъ оставилъ послѣ себя два весьма цѣнныхъ словаря: «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» (2 ч. Спб. 1818 и 1827. 8) и Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» (2 г. М. 1845. 8). Эти словарныя занятія и были природженной спеціальностью Евгенія—онъ былъ великій коллекціонеръ и систематизаторъ разнообразныхъ фактовъ и выписокъ. Его упрекали и упрекаютъ въ отсутствіи критики, въ равнодушномъ сопоставленіи мнѣній совершенно не равноцѣнныхъ. Но, какъ кажется, систему лѣтописателя сводчика онъ принялъ совершенно сознательно. Предоставляя общую оцѣнку и критику другимъ, онъ великій знатокъ собранной имъ массы фактовъ, сознавалъ, что и этого множества мало для возсозданія подлинной древности.

Пребываніе въ Новгородѣ ознаменовалось изданіемъ: «Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода» (М. 1808. 4⁰). Въ Вологдѣ было составленно подробное описаніе Вологодскихъ монастырей. Въ Псковѣ составлены и отпечатаны нѣсколько описаній важнѣйшихъ монастырей (напечатанныя въ Дерптѣ). Пребываніе же во Псковѣ вызвало появленіе «Исторіи княжества Псковскаго» (4 ч. Кіев. 1831), и «Лѣтописи древняго города Изборска» (СПБ. 1825. 8⁰). Въ Кіевѣ были изданы: «Описаніе Кіево - Софійскаго собора и Кіевской іерархіи» (Кіев. 1825. 4⁰) и «Описаніе Кіево-Печерской Лавры» (Кіев. 1826. 8⁰).

Много рукописей и актовъ видѣлъ и спасъ Евгеній, но случилось ему дѣлаться невольной причиной уничтоженія древностей. Знаменитый случай потопленія рукописей произошелъ

именно во время одной изъ поѣздокъ Евгенія. Подъѣзжая къ монастырю ранѣе, чѣмъ его ожидали и другой дорогой, онъ замѣтилъ послушника съ возомъ, направляющагося къ проруби, остановилъ его вопросомъ, что заключается въ возу, и съ изумленіемъ увидалъ, что розвальни полны древними рукописями, изъ которыхъ большинство было въ фрагментарномъ сотояніи. Два воза оказались уже потопленными, изъ спасеннаго Евгеній досталъ знаменитые Евгеніевскіе пергаментные листки, относящіеся къ самой древней эпохѣ. Эта исторія случилась при первомъ посѣщеніи Юрьева-Новгородскаго монастыря. Монахи испугались за кучи хлама, валявшагося по чуланамъ и хотѣли монастырь прибрать и подчистить. Правда и то, что времена были строгія, самъ добрый Евгеній не любилъ спускать и строго взыскивалъ съ духовенства, пользовался штрафами съ хозяйственной цѣлью. «Не безполезны были эти эпитиміи», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. С. Князевъ про пребываніе Евгенія въ Псковѣ, «и для дома (архіерейскаго)». Нынѣшній спускъ съ горы къ рѣкѣ Великой, близъ архіерейскаго дома, нынѣшняя каменная стѣна вокругъ архіерейскаго дома, произведены при помощи лицъ эпитимейныхъ».

Во всякомъ случаѣ монахи, топившіе «хламъ» изъ боязни архіереая гораздо менѣе виновны, чѣмъ тѣ просвѣщенные дѣятели, которые въ 1841 году въ Вологодскомъ архіерейскомъ домѣ жгли кучи Евгеніевскихъ бумагъ вмѣстѣ съ другими рукописями. Покойный П. И. Савваитовъ, тогда юноша, въ буквальномъ смыслѣ слова исхитилъ изъ огня сочиненіе Евгенія. «Введеніе въ исторію монастырей Грекороссійской церкви» въ собственноручномъ оригиналѣ «Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ», вспоминаетъ Савваитовъ, когда вспоминаю объ этомъ варварскомъ сожиганіи. Тогда же успѣлъ я сохранить и отрывки пролога».

Митрополитъ Евгеній велъ огромную переписку и принималъ дѣятельное участіе во многихъ чужихъ трудахъ. Такъ, напримѣръ, онъ весьма много содѣйствовалъ Сопникову въ составленіи его извѣстной библіографіи. Для насъ особенно важно изданіе начала вынѣшняго столѣтія: «Исторія Россійской Іерархіи» шесть томовъ которые составлены Амвросіемъ Орнатскимъ (М. 1807—1815), архимандритомъ Антоніева Новгородскаго монастыря, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Евгенія. Біографія Амвросія коротка: изъ Новгорода онъ переведенъ былъ въ Москву архимандритомъ Новоспасскаго Монастыря, обстоятель-

ство очень удобное для печатанія исторіи Россійской Іерархіи, а затѣмъ хиротонисанъ въ епископы (1816) и назначенъ архіереемъ въ Пензу въ 1819 году, въ 1822 году уволенъ на покой въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и скончался 26 Декабря 1827 года. Книгъ вообще не писалъ и не печаталъ.—Уже это одно обстоятельство указываетъ, что у Амвросія и въ Исторіи Іерархіи былъ сотрудникъ и вдохновитель. Хотя на заглавномъ листкѣ и было поставлено только имя Амвросія, ни для кого не было тайной, что душей предпріятія былъ Евгеній Болховитиновъ. Можно спорить о количествѣ труда, потраченнаго Амвросіемъ, о самостоятельности нѣкоторой части занятій и выписокъ, но всётаки всё важнѣйшее въ видѣ разсужденій и выводовъ, обозрѣній и экстрактовъ изъ архивныхъ дѣлъ принадлежитъ Евгенію. Совершенно правильно историкъ Евгенія Н. Полетаевъ помѣстилъ Исторію Россійской Іерархіи особой главой среди трудовъ митрополита Евгенія [1]) Грандіозная мысль о трудѣ, не выполненномъ и по сейчасъ, конечно, принадлежитъ Евгенію и зародилась въ самомъ началѣ пребыванія въ Петербургѣ. Есть прямыя указанія, что Евгеній извлекалъ, напримѣръ въ Петербургскомъ Синодальномъ архивѣ, оффиціальныя описи монастырей, составленныя въ силу указа отъ 24 Марта 1781 года. Самъ Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу говоритъ прямо, что онъ нашелъ дѣло и собиралъ матеріалы, а изданіе поручилъ Амвросію. Евгеній сошелся съ Амвросіемъ въ Новгородѣ, но зналъ и раньше (въ Петербургѣ убѣдилъ его взяться за трудную работу и совмѣстно даже рылись въ архивахъ.

Превосходны строки одного письма Евгенія, гдѣ онъ вспоминаетъ о древнихъ дѣлахъ, находившихся въ Софійскомъ Соборѣ (въ письмѣ къ П. И. Кеппену отъ 1821 года). «Въ Новгородѣ подъ кровлею Софійскаго собора вы найдете необозримую кучу гніющихъ бумагъ, но я опытомъ дозналъ, что ихъ отъ гнилой вони и пыли нельзя разворачивать ни на два часа» (Полетаевъ, е. с., стр. 78). Всё время пребыванія въ Вологдѣ Евгеній посвятилъ архивнымъ работамъ по описанію 78 Вологодскихъ монастырей, книги и докумеиты по воспоминаніямъ старожиловъ къ владыкѣ возили возами и можно только надѣяться, что всѣ они были возвращены въ монастыри ранѣе зна-

---

[1]) Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русск. церкви“ (Казань 1889. 8⁰) см. глава I.

менитаго аутодафѣ, при которомъ присутствовалъ Савваитовъ. Описаніе Вологодскихъ монастырей составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей «исторіи іерархіи». Шесть томовъ (послѣдній въ 2-хъ частяхъ) обширнаго труда двухъ тружениковъ монаховъ были напечатаны въ 1807—1815 годахъ, можно сказать, быстро, если принять во вниманіе условіе печатанія съ посылкой листовъ разнымъ лицамъ, при нахожденіи одного автора въ Новгородѣ, а другого въ Вологдѣ. Евгеній торопилъ съ печатаніемъ, зная, что всё равно первое изданіе будетъ очень эффектно и составитъ остовъ для дополненій. Онъ не имѣлъ возможности медлить, какъ Карамзинъ, державшій рядъ томовъ въ рукописи и постоянно ихъ исправлявшій (объ этомъ говоритъ самъ Евгеній) [1]), потому что зналъ, насколько важно расположеніе Синода и насколько вѣроятны всякія помѣхи [2]).

«Исторія Россійской Іерархіи» при всѣхъ своихъ несовершенствахъ для насъ драгоцѣнна по тѣмъ актамъ, которые въ ней напечатаны, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ никогда не были и переизданы. Пользованіе архивомъ монастыря часто указано при самомъ приведеніи текста грамоты (напримѣръ, см. Глушицкій монастырь) иногда отмѣчена, что грамота «прислана» но какъ, не показано. Такъ при описаніи Троице-Сергіевой Лавры среди грамотъ есть примѣчанія (ч. II стр. 151)— «позднее полученіе сея и слѣдующія по ней грамоты причиною, что оныя не на своемъ по лѣтоисчисленію помѣщены мѣстѣ».

Отмѣтимъ нѣсколько грамотъ, изданныхъ по спискамъ или по подлинникамъ:

I) При описаніи Антоніева монастыря—по спискамъ—двѣ грамоты Антонія Римлянина (ч. III, стр. 123, 124) объ нихъ Срезневскій, Древн. памятн., годъ «до 1147 года».

Вспомнимъ по поводу этихъ древнихъ грамотъ упоминаніе Шлецера (I, стр. р҃і): «Миллеръ, прежде опредѣленія своего къ Московскомъ Архивѣ, одинъ разъ увѣрялъ меня изустно, что древнѣйшая грамота, до тѣхъ поръ отъисканная есть в. к. Андрея Боголюбскаго».

Можетъ быть именно объ этой то грамотѣ говоритъ митрополитъ Евгеній при описаніи Кіевопечерской Лавры: «Великіі

---

[1]) Для насъ малопонятно указаніе самого Евгенія въ письмѣ къ Анастасевичу отъ 24 Ноября 1814 г., что Исторія Россійской Іерархіи стала казнѣ до 40,000 руб. („Полежаевъ стр. 54). Что то очень большая сумма.

[2]) Полетаевъ l. c., стр. 50.

князь Кіевскій Андрей Георгіевичъ Боголюбскій чрезвычайное имѣлъ усердіе къ сему монастырю. Онъ переселяясь изъ Суздальскаго на великое княжество Кіевское, подтвердилъ данною 1159 года грамотою Ставропигію Кіевопечерской лавры, повелѣлъ подчинить оной монастыри Кіевскій Пустынно-Николаевскій Брянскій, Свѣнскій, Нодгородосѣверскій, Спасскій и Черниговскій Спасскій и Черниговскій Елецкій; и даже пожаловалъ Лаврѣ городъ Васильковъ, на рѣкѣ Стугнѣ со всѣми вокругъ лежащими землями» (ч. II стр. 34). Но увы! грамота эта подложная и пользованіе ею преосвященнымъ Евгеніемъ только способна подкрѣпить приговоръ, произнесенный надъ нею критическимъ чутьемъ митрополита въ книгѣ П. Н. Милюкова.

При описаніи Антоніева монастыря въ «Іерархіи» приведены еще грамоты:

) жалованная несудимая и льготная, отъ 25 марта 7032 года (1524).

ъ) жалованная (но по содержанію правая) – отъ 15 августа 1573 года.

с) жалованная отъ 28 февраля 1580 года.

а) правая (очень интересная) отъ декабря 1591 года.

Итакъ далѣе всего 14 грамотъ.

II) При описаніи Арсеніева Комельскаго монастыря Вологодской епархіи приведенъ рядъ грамотъ, выданныхъ основателю монастыря Арсенію Сахарусову и его преемникамъ (ч. III, стр. 230 и слѣд.).

Интересны подтвержденія на одной грамотѣ: «А кому будетъ чего искати на самомъ строителѣ на Герасимѣ, или на его прикащикѣ, что ихъ сужу азъ царь и Великій князь, или мой дворецкій, котораго будетъ дворецкаго Резанскаго. Дворецъ въ приказѣ, Лѣта 7058 (1550) іюня въ 23. А подписалъ царя и великаго князя дьякъ Романъ Колзаковъ».

Грамоты списаны вообще очень неправильно.

III) При описаніи Архангельскаго монастыря въ самомъ г. Архангельскѣ—приведена грамота Архіепископа Новгородского Іоанна (1387—1414)—«изъ сихъ (архіепископовъ) одинъ Архіепископъ Іоаннъ благословилъ въ Новгородской своей области на Двинѣ, въ обители св. Архистратига Михаила вседневную службу и игумена, давъ на то свою благословенную харатейную; за своею святительскою вислою печатью, но безъ году, слѣдующую граммату...» (стр. 300). Очень было бы интересно узнать, не хранится ли она и понынѣ въ монастырѣ.

IV) При описаніи Боровскаго монастыря (ч. III, стр. 434). приведена весьма цѣнная и интересная грамота указная отъ 16-го февраля 1592 г. какъ принимать митрополита Тырновскаго Діонисія, и что ему дать.

V) При описаніи Саввино-Вишерскаго монастыря (ч. III, стр. 559) прибавлено: «Въ заключеніе описанія монастыря сего присовокупляются двѣ древнія грамматы, данныя отъ Новгородцевъ на землю сего Саввино-Вишерскаго монастыря.

Обѣ грамматы отличаются сравнительной древностью и интересны по содержанію.

VI) Грамоты жалованныя Глушицкому монастырю (ч. III, стр. 704 и слѣд.). Весьма интересны документы, касающіеся мелкихъ удѣльныхъ князей заозерскихъ и Бахтюжскихъ.

VII) При описаніи Пантелеймонова Новгородскаго монастыря (ч. V, стр. 454 и слѣд.) грамота великаго князя Изъяслава Мстиславича на земли, которыя онъ пожаловалъ «испросивъ у Новгорода». Одинъ изъ древнѣйшихъ дипломатическихъ текстовъ. См. подъ 1148 годомъ у Срезневскаго, которымъ была переиздана въ «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ.

VIII) При описаніи Спасскаго Ярославскаго монастыря (ч. VI стр. 229 и слѣд.) напечатана и съ краткимъ дипломатическимъ описаніемъ подлинника грамота докончальная князя Василія Давидовича Ярославскаго (см. Срезневскаго подъ 1345 годомъ) и Прот. Арх. Ком., выпускъ III, стр. 482.

XI) При описаніи Успенскаго Волотова монастыря въ Новгородѣ (ч. VI, стр. 474 и сл.) помѣщена несудимая грамота, данная 1 сент. 7009 (1500) года велик. кн. Иваномъ III.

X) При описаніи Успенскаго Зилантова монастыря въ Казани помѣщено между прочимъ знаменитое письмо царя Ивана Грознаго къ Архіепископу Гурію Казанскому. Этотъ памятникъ требуетъ еще строгаго дипломатическаго разслѣдованія.

Показанныхъ избранныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выступила наглядно археографическая цѣнность исторіи Іерархіи особенно для того времени, когда ничего кромѣ Вивліофики не было и лишь къ концу изданія появился первый томъ Соб. Госуд. Грам. и Догов. Конечно, «Исторія» была набрана спѣшно, крайне неполна по содержанію и наоборотъ исполнена ошибокъ. Евгеній видѣлъ это лучше всѣхъ и мечталъ о переизданіи во время самаго печатанія. Онъ и самъ отовсюду собиралъ поправки и Амвросія побуждалъ къ тому же. Составился матеріалъ для второго изданія, долженствовавшаго удвоить цѣнную

и нужную книгу. Въ 1822 году первая часть была перепечатана въ Москвѣ, но безъ всякихъ добавленій, въ 1827 году послѣ долгихъ мытарствъ Евгеній переиздалъ I часть, «вторымъ изданіемъ» что въ сущности было справедливо въ Кіевѣ. На первой части дѣло встало. Въ Синодѣ и у власти появились новыя лица. Полежаевъ историкъ вполнѣ правовѣрный, самъ изъ Духовной Академіи, даетъ богатый матеріалъ къ выясненію того, какъ собирались переиздавать исторію Іерархіи. Когда исправленный и дополненный экземпляръ исторіи Іерархіи былъ представленъ въ Синодъ, куда отправлены были и всѣ документы, присылавшіяся для дополненія и исправленія труда Евгенія и Амвросія. Евгеній, застигаемый старостью, не взялся провѣрить еще разъ всѣ томы, и бралъ на себя только первыя двѣ части. Тогда митрополитъ Московскій Филаретъ вошелъ съ особой рѣзкой запиской (стр. 61) въ которой рекомендовалъ и не отдавая еще въ цензуру Исторіи Россійской Іерархіи, обратить ее для исправленія и сокращенія». Дѣло тянулось послѣ этого съ декабря 1834 по 5 апрѣля 1835, когда такая резолюція отправлена была къ старику Евгенію. Полежаевъ не нашелъ отвѣта Евгенія, можетъ быть престарѣлый труженикъ не отвѣчалъ до своей смерти. И ему было не до того, да и видѣлъ онъ, что никакія исправленія не преодолѣютъ Синодальной канители. Въ бытность Н. Н. Мурзакевича въ Кіевѣ въ 1835 году Евгеній разсказывалъ ему «о помѣхахъ бывшихъ при 2 изд. первой части».

Между тѣмъ при жизни еще Евгенія былъ образованъ какой то «центральный комитетъ» по исправленію Исторіи Россійской Іерархіи (Полежаевъ не нашелъ ни начала ни конца этого «центральнаго комитета»). Предсѣдателями называютъ нѣсколькихъ лицъ, которыя впрочемъ все равно ничего не сдѣлали. Нашелся доброволецъ о. Діевъ, священникъ съ чрезвычайной неутомимостью принявшійся за архивныя работы по Костромскимъ монастырямъ. Сначала онъ сообщалъ свои работы Евгенію, но когда объ этомъ узналъ Филаретъ Московскій, то ему благоугодно было приказать, чтобы эти изысканія присылались «первѣе» къ нему. Скоро о. Діевъ былъ награжденъ саномъ протоіерея и еще ревностнѣе началъ работать по своей епархіи.

Однако изъ всѣхъ его работъ ничего не вышло. Исторія Іерархіи не подвинулась, а бумаги по смерти попали на рынокъ и находятся у А. А. Титова, точно также какъ экземпляръ

исторіи Іерархіи съ замѣтками Евгенія находится въ Москвѣ у Е. В. Барсова.

Все дѣло въ томъ, что митрополиту Филарету, въ то время первенствовавшему въ Синодѣ, нисколько не желательно было хлопотать и покровительствовать трудамъ, связаннымъ съ чужими именами. Филаретъ Дроздовъ и при жизни, и теперь поднять на недосягаемую высоту. Его считають съ одной стороны святымъ и готовы ждать открытія его мощей, съ другой онъ является величайшимъ умомъ, затмѣвающимъ всѣхъ іерарховъ XIX столѣтія. Что это былъ колоссальный аналитическій умъ—это вѣрно, и силу свою онъ не только зналъ, но кажется даже преувеличивалъ. Но вотъ до святости то ему и было далеко. Филаретъ былъ именно тотъ іерархъ, который по отзывамъ недоброжелателей былъ святъ—по единой просвиркѣ въ день кушалъ и попомъ закусывалъ. Къ человѣчеству онъ былъ строгъ и безжалостенъ; черное и бѣлое, особенно бѣлое духовенство, его трепетали. Любилъ онъ въ дѣйствительности только свою власть и себя самого. Отношенія его къ Петербургу составляли сущность его дѣятельности. Въ Петербургѣ его почтительно отстраняли и побаивались не безъ основанія, потому что Московскій владыко зорко слѣдилъ за всѣмъ и при каждомъ случаѣ выяснялъ, что онъ одинъ умнѣе всѣхъ Петербургскихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Къ наукѣ, къ древностямъ, Филаретъ былъ расположенъ только, настолько, насколько это требовалось для его цѣлей. Сильныхъ талантовъ даже не любилъ, чтобы не застилали его сіяніе.

Изданіе систематической исторіи Россійской Іерархіи ничего не прибавило бы къ его славѣ и онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ «работали» цѣлыя десятилѣтія какія то мифическія коммиссіи.

Исторія Россійской Іерархіи—не издана до сихъ поръ, да и нѣтъ намековъ на то, чтобы это предпріятіе возродилось.

Только въ новѣйшее время, опять таки отдѣльный человѣкъ, совершилъ трудъ, смѣло скажу превосходный—это покойный В. В. Звѣринскій свои «матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи (3 тома).

Митрополиту Евгенію Болховитинову русская наука обязана также и дипломатическою статьею, которую если и нельзя назвать безусловно первою, то во всякомъ случаѣ надо отмѣтить,

что она стоитъ во главѣ начинающейся литературы русской дипломатики. Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1818 годъ (часть С, СI №№ 15—16, 20 стр. 200—255) *) появились «Примѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго пожалованную Новгородскому монастырю». Обширная статья эта по поводу разбираемой грамоты даетъ абрисъ дипломатики по всѣмъ правиламъ изложеннымъ въ элементахъ дипломатики Гаттерера каковую Евгеній имѣлъ въ рукахъ: описывается матеріалъ (пергаменъ и бумага) древнихъ рукописей и грамотъ, разбирается вопросъ, о внѣшней формѣ русскихъ грамотъ; говорится о правописаніи, почеркахъ и надстрочныхъ знакахъ. Особенное вниманіе обращено на признаки, удостовѣряющія документъ, подробно разобраны рукоприкладства и вопросъ о печатяхъ, при чемъ Евгеній описалъ всѣ великокняжескія, царскія и архіерейскія печати, какія только ему были извѣстны.

«Вѣстникъ Европы» подъ редакціей проф. Каченовскаго является замѣчательнымъ историческимъ органомъ, на страницахъ котораго получила начало русская дипломатика.

Въ 1811 году въ №№ 23 и 24 (стр. 188—214, 275—299) была напечатана очень интересная статья Х. А. Шлецера (сына) «Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ подлинниковъ на славянскомъ языкѣ, писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою». Дѣло идетъ о двухъ Новгородскихъ грамотахъ роигиналахъ, принадлежавшихъ Шлецеру: «Покойному отцу моему достались онѣ посредствомъ разныхъ знакомствъ и связей которыя имѣлъ онъ со знатнѣйшими жителями города Любека, а особливо съ тамошними учеными мужами. Почти за шестнадцать лѣтъ передъ симъ, когда я слушалъ лекціи о дипломатикѣ у знаменитаго Гаттерера, отецъ мой отдалъ мнѣ Новгородскія грамоты вмѣстѣ съ множествомъ другихъ дипломатическихъ рѣдкостей, и въ то же время изустно сообщилъ мнѣ касающіяся до нихъ вышеприведенныя мною замѣчанія. Послѣ того, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Геттингена въ Москву, отецъ мой взялъ къ себѣ обратно дипломатическія рѣдкости, въ числѣ которыхъ были и обѣ грамоты. Долго потомъ я объ нихъ совсѣмъ не думалъ. Превосходное собраніе Славянскихъ древностей, принадлежащее г-ну професору Баузе въ первой разъ подало мнѣ случай вспомнить о грамотахъ; но какъ былъ я изумленъ,

когда за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ Германію 1805 года, А. Ѳ. Малиновскій показалъ мнѣ въ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Новгородскія грамоты тринадцатаго столѣтія достопамятнѣйшіе подлинники изъ всего собранія! Почеркъ, внѣшняя форма, свинцовыя печати, все напоминало мнѣ объ Геттингенскихъ моихъ знакомцахъ, и я не могъ понять себѣ, какимъ образомъ отецъ мой, обладая такимъ сокровищемъ, повидимому, ничего не вѣдалъ объ его достоинствѣ». (стр. 193).

При статьѣ Шлецера приложенъ хорошій снимокъ гравированный въ Геттингенѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1812 году появляется маленькое изслѣдованіе К. Ѳ. Калайдовича: «замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ» (ч. 61) Въ 1813 году митрополитъ Евгеній среди нѣсколькихъ другихъ статеекъ помѣщаетъ замѣтку «Замѣчанія объ уставныхъ губныхъ грамотахъ» (ч. 72, стр. 44—51).

Въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» наконецъ, въ 1819 году помѣщенъ и интересный опытъ С. Г. Саларева, преждевременно скончавшагося молодого ученаго (1792—1820)—«Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ (ч. CIII и CIV №№ 4 и 5). То научное движеніе, которое мы замѣчаемъ въ журналѣ проф. Каченовскаго не зависѣло всецѣло отъ него. Это былъ отзвукъ дѣятельности, едва ли не безпримѣрный, одного богатаго и знатнаго человѣка, показавшаго, что можно сдѣлать человѣку со средствами и образованіемъ при наличности истинной любви къ дѣлу.

Я говорю о графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ. Много денегъ и труда положилъ онъ на русскую науку, но конечно и сумма тратъ его, и самое состояніе не могутъ и быть сравнены съ нѣкоторыми современными «посмертными» «благотворителями» вродѣ г.г. Солодовниковыхъ и комп., воспѣтыми въ газетахъ и судебныхъ преміяхъ. Но это сравненіе только внѣшнее механическое.

Графъ Румянцевъ выдѣляется своей добротою, сердечностью и такъ сказать чистотою намѣреній во время своей дѣятельности. И судьба благословила его труды. «Румянцевская эпоха» навѣки занесена въ скрижали русской исторіографіи. Огромный трудъ Иконникова систематически освѣтилъ дѣятельность румянцевскаго кружка и документы Румянцевскаго архива, хранящагося въ Московскомъ Музеѣ только подкрѣпляетъ со временемъ эти выводы.

Мнѣ приходилось говорить о значеніи меценатства и такъ сказать покровительственной системы въ области науки во Франціи XVII столѣтія. Чистая наука не подмѣшанная разными суррогатами вродѣ привлекательныхъ политическихъ тенденцій растеніе, требующее усиленной культуры — она напоминаетъ пышныя розы, нуждающіяся въ уходѣ, безконечно разнообразныя орхидеи, чахнущія при недостаткѣ тепла. Не вина розъ, если, какъ говорится въ одной сказкѣ, корова, пожевавъ, не нашла въ нихъ вкуса!

Если французская наука много обязана покровительству знаменитыхъ министровъ Людовика XIII и Людовика XIV, то еще болѣе и несравненно болѣе русская обязана Румянцеву.

Графъ Николай Петровичъ былъ сынъ знаменитаго полководца Екатерининскаго вѣка и родился въ 1754 году. Какъ воспитаніе, такъ и карьера его отличается замѣчательными особенностями. Два мальчика Румянцевыхъ (Николай и Сергій) въ 1772 году взяты были Екатериной II ко двору, постоянно бывали въ числѣ немногихъ на Эрмитажныхъ собраніяхъ и затѣмъ въ 1773 году были увезены барономъ Гриммомъ въ Голандію, считавшуюся центромъ умственнаго движенія и слушали лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. Затѣмъ, побывали они въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ разныхъ городахъ Италіи и черезъ Берлинъ вернулись въ 1776 году въ Петербургъ. Въ 1779 году 25 лѣтъ отъ роду графъ Николай Петровичъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при Германскомъ сеймѣ. Внимательный и наблюдательный дипломатъ онъ въ тоже время продолжалъ свое самообразованіе въ обширныхъ размѣрахъ; въ это время онъ начинаетъ интересоваться русской исторіей и даже пишетъ краткій очеркъ ея. Пробывъ много лѣтъ заграницей Румянцевъ возвращается въ Россію, довольно быстро получаетъ постъ министра Коммерціи, въ 1807 году назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ 1809-мъ канцлеромъ. Война съ Наполеономъ положила конецъ его политической дѣятельности, ибо онъ стоялъ за необходимость союза съ Франціей и былъ такъ пораженъ вторженіемъ Наполеона, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Мы отстоящіе почти на столѣтіе отъ событій, вѣрнѣе оцѣнимъ воззрѣніе Румянцева, чѣмъ близорукіе современники, англоманы и сторонники священнаго союза! Гр. Румянцевъ скончался 3 января 1826 года на 73 году жизни; молодость и зрѣлые годы его принадлежали Екатерининскому вѣку, только старость свою онъ отдалъ всецѣло русской наукѣ, но тѣмъ

удивительнѣе та горячность, та свѣжесть силъ, бодрость духа и ясное сознаніе преслѣдуемыхъ задачъ, которые мы находили въ этомъ замѣчательномъ старикѣ. Всѣ отзывы современниковъ рисуютъ свѣтлую, богатоодаренную личность, которую недаромъ Екатерина называла St. Nicolas.

П. Н. Милюковъ говоритъ (изд. II, стр. 215) «настоящимъ ученымъ графъ Николай Петровичъ не сдѣлался... отставъ отъ дилетантизма и не приставъ къ учености Румянцевъ былъ самымъ типичнымъ выразителемъ состоянія современной ему исторической науки». При этомъ П. Н. указываетъ, что Румянцевъ подчинялся постепенно повышаясь въ научныхъ знаніяхъ и требованіяхъ—А. Ѳ. Малиновскому, П. М. Строеву, К. Ѳ. Калайдовичу, и наконецъ, Востокову. Послѣднее утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Румянцевскій кружокъ былъ очень обширенъ и интересы Румянцева были гораздо шире интересовъ всѣхъ четырехъ указанныхъ лицъ. Тотъ же фактъ, что Румянцевъ въ извѣстной области постепенно переходилъ отъ Малиновскаго къ Востокову—фактъ высокозамѣчательный. Онъ показываетъ что графъ Николай Петровичъ не только не остановился на излюбленныхъ взглядахъ, сложившихся въ немъ въ зрѣлую пору (что случается съ большинствомъ людей), не только не пережилъ себя (что бываетъ со многими учеными), но шелъ вмѣстѣ съ временемъ, воспринималъ новыя научныя вѣянія и безъошибочно для своихъ цѣлей выбиралъ что было наилучшаго среди извѣстныхъ ему ученыхъ.

Онъ дѣйствительно не былъ ученымъ спеціалистомъ (среди которыхъ не рѣдкость люди ограниченные и по способностямъ, и по образованію), но ученымъ знатокомъ науки онъ былъ несомнѣнно и тотъ систематическій обхватъ всего историческаго источниковѣдѣнія, который явился результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ работы, всего яснѣе говоритъ, что передъ нами человѣкъ съ громаднымъ научнымъ кругозоромъ. Сойдя съ поста канцлера, Румянцевъ самъ сдѣлалъ себя министромъ-директоромъ департамента исторической науки. Съ замѣчательною проницательностью Румянцевъ завербовываетъ себѣ дѣятелей въ новое учрежденіе; не его просятъ, самъ онъ ищетъ, списывается, предлагаетъ. Застѣнчиваго Васюкова подкупаетъ лаской и подаркомъ книгъ, нарочно выписанныхъ изъ заграницы, какъ знакъ глубокаго уваженія къ ученой дѣятельности и желаніе помочь. Въ письмахъ къ Малиновскому Румянцевъ пишетъ: «я только тогда богатымъ себѣ кажусь, когда Вы хвалите, что я пріобрѣтаю, я

люблю у Васъ учиться, я точно тужу, что Вы отъ меня никакого рода услуги не требуете» (Иконниковъ, стр. 156). А этотъ Малиновскій былъ чиновникомъ въ его министерствѣ и во всякомъ случаѣ по своему образованію и даже по учености уступалъ канцлеру. Отношенія Румянцева къ зависѣвшимъ отъ сего и бывшимъ у него на жалованьи ученымъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Деликатность Румянцева тѣмъ замѣчательнѣе, что въ тѣ времена хотя уже и не было академиковъ по физіономіи, но Казанскій губернаторъ не рѣшался первое время пребыванія въ Казанскомъ университетѣ извѣстнаго профессора К. Ѳ. Фукса подавать ему руку, опасаясь унизить свое служебное положеніе.

Обыкновенно изображаютъ, что Румянцевъ все заражался идеями въ разговорахъ съ лицами, которыхъ онъ самъ не знаетъ, но однако вызывалъ къ себѣ. Безъ сомнѣнія, что онъ искалъ указаній спеціалистовъ, и что всего важнѣе, чего не понимаютъ многіе до сихъ поръ, не насиловалъ дарованій, всѣ его порученія систематичны и какъ разъ соотвѣтствовали склонностямъ лица, которому давались. Фактъ очень важный. Въ подобныхъ случаяхъ надо понимать и людей, и науку, чтобы не ошибаться.

Широкіе, самостоятельные взгляды иногда вырываются у Румянцева въ письмахъ и дѣйствіяхъ. Напримѣръ, о значеніи систематическихъ указателей онъ пишетъ, когда еще въ Россіи на нихъ не обращали вниманія, Малиновскому онъ рекомендуетъ систематическій подборъ актовъ; не страшась объема изданія, а и много лѣтъ спустя у насъ господствовала система выборокъ; знаменательно его стремленіе руссифицировать Академическія изданія. (Онъ предлагалъ взять на свой счетъ изданіе на русскомъ языкѣ изслѣдованій Ѳ. Круга, нѣмецкое изданіе которыхъ подготовляла Академія Наукъ).

На склонѣ лѣтъ Румянцевъ противодѣйствовалъ обскурантамъ и воевалъ съ преосвященными, продолжавшими свою роль запретителей и уничтожателей.

«...Какому же осужденію пишетъ Румянцевъ къ Шишкову подвергнемся мы непремѣнно заграницей, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ сочиненіе Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ подъ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей Минеи-Четьи. Охраните насъ отъ такого стыда!»

«Не всегда однако», говоритъ В. С. Иконниковъ, «авторитетъ и вліяніе Румянцева могли защитить отъ подобныхъ безобразій. Когда издатели законовъ вел. князя Ивана III и царя Ивана IV хотѣли присоединить къ нему вновь открытое соборное опредѣленіе 1503 года (о мздѣ за поставленіе о вдовыхъ попахъ, о воспрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ), то они встрѣтили противодѣйствіе со стороны архіепископа Августина, увидѣвшаго въ этомъ оскорбленіе духовенства. Поэтому поводу Румянцевъ писалъ къ Строеву. «Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, если бы Малиновскій выходилъ у преосвященнаго Августина дозволенія издать въ печать въ добавокъ къ законамъ опредѣленія собора 1503 года. Но это Малиновскому такъ и не удалось.

Хлопоталъ Румянцевъ о переводѣ книги о князѣ Свидрилаймѣ духовная цензура не желала помѣщать въ русское изданіе папскихъ буллъ—и Румянцевъ такъ и умеръ, ничего не добившись! Эти хлопоты неоднократныя въ 1820 годахъ опять таки рисуютъ намъ Румянцева какъ высокопросвѣщеннаго человѣка, стоявшаго впереди своего вѣка.

Дѣятельность Румянцевскаго кружка провела неизгладимую борозду въ исторіи просвѣщенія. Длинный списокъ пришлось бы составить, чтобы перечислить всѣ предпріятія которыя заглохли послѣ смерти мецената и тѣ предпріятія, которыя и послѣ смерти его были выполнены только благодаря ему. Немного слишкомъ строгій къ самому Румянцеву П. Н. Милюковъ превосходно охарактеризовалъ дѣятельность его общества: «Посредствомъ этихъ (ученыхъ) сношеній Румянцевъ успѣлъ создать своего рода ученое общество, разсѣянное по всей Россіи и даже за границей. Вмѣсто ежемѣсячныхъ засѣданій, это общество поддерживало чуть не ежедневныя сношенія; письма занимали мѣсто рефератовъ, а содержаніе этихъ писемъ ручалось за то, что каждый членъ общества дѣлаетъ подъ своею личною отвѣтственностью взятое на себя дѣло и съ каждымъ днемъ подвигаетъ впередъ одно изъ многочисленныхъ изданій, затѣянныхъ канцлеромъ. Изданія эти давали практическую цѣль ученой дѣятельности, наполняли время и давали средства къ жизни сложившимся ученымъ, вызывали на совѣтъ новыя ученыя силы — словомъ по почину Румянцева, была создана и утилизирована такая масса ученаго труда и знанія, какую трудно было даже ожидать отъ нашей молодой еще исторической науки. Можно сказать, что ни одинъ сколько нибудь подходящій человѣкъ не

ускользалъ отъ вниманія канцлера, и ни одна минута такого человѣка, насколько это зависѣло, конечно, отъ канцлера,—не пропадала даромъ для ученыхъ предпріятій, имъ начатыхъ, или сдѣлавшихся его собственными»: («Главн. теченія рус. ист. мысли», изд. 2, стр. 214—215).

Эта характеристика въ устахъ строгаго критика является пѣснью хвалы старцу, который съ желѣзной энергіей побуждалъ молодыя силы двигать науку; но онъ не шелъ наугадъ, онъ лишь торопился, зная, что смерть недалеко, а замыслы велики.

Однако, относительно значенія задуманнаго имъ плана онъ не заблуждался. Скромно отстраняя себя, повидимому, даже отъ иниціативы предпріятій, онъ, однако, разъ написалъ, что если его старанія удадутся, то можетъ быть въ русской исторической наукѣ будетъ «эпоха Румянцева».

Сбылись его мечты и въ этомъ отношеніи, и въ томъ, что задушевное желаніе его видѣть свою библіотеку публичной и общеполезной осуществилось. Румянцевскій музей открытъ для всѣхъ и надо прибавить, что условія занятій въ немъ не обставлены формальностями, просты и привлекательны.

Обширное предпріятіе изданія русскаго дипломатическаго сборника продолжалось все время просвѣтительной дѣятельности графа Румянцева. Къ изданію онъ приступилъ еще будучи канцлеромъ, заботился объ немъ до самой смерти, и оставилъ не оконченнымъ. По смерти мецената, какъ и слѣдовало ожидать, все дѣло остановилось.

13 декабря 1810 года Румянцевъ поручилъ управляющему Московскимъ Архивомъ Н. Н. Бантышу-Каменскому составить планъ для предпринимаемаго печатанія Россійскихъ грамотъ и договоровъ. Хотя знаминитый архивистъ мечталъ объ изданіи своихъ обозрѣній, и даже заговаривалъ объ этомъ съ графомъ, но и мысль Румянцева не могла не обрадовать такого всей душой преданнаго своему архиву ученаго чиновника. Не болѣе какъ въ десять дней планъ былъ разработанъ и сообщенъ графу. Бантышъ-Каменскій полагалъ начать изданіе съ «внутреннихъ россійскихъ актовъ», то есть съ грамотъ Новгородскихъ (1263—1472), великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей, а потомъ царей; грамотъ духовныхъ, договорныхъ, межевыхъ и проч., актовъ объ избраніи и восшествіи на престолъ Государей, о коронаціи и проч., и, наконецъ, малороссійскихъ актовъ объ избраніи гетмановъ и жалованныхъ послѣднимъ грамотъ; далѣе излагаетъ свое мнѣ-

ніе, что всѣ эти документы нужно непремѣнно печатать въ Москвѣ, такъ какъ необходимо безпрестанно справляться съ оргиналами и послѣднія корректуры въ Архивѣ читать очень тщательно; что къ памятникамъ, назначаемымъ для обнародованія, должны быть вырѣзаны печати, гдѣ это окажется нужнымъ...» и. т. д. 3-го мая 1811 года государь утвердилъ докладъ Румянцева, по которому учреждалась при Московскомъ Архивѣ особая коммиссія для печатанія грамотъ и договоровъ, при чемъ расходы по изданію перваго тома «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» Румянцевъ бралъ на себя. «Уважая правила строгой бережливости, необходимо нужно въ расходахъ государственныхъ», писалъ онъ въ докладѣ, «я не почитаю себя въ правѣ утруждать Ваше Императорское Величество ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на счетъ казны; но облагодѣтельствованный столь много Высочайшею милостію Вашего Величества, осмѣливаюсь испрашивать и приму съ живѣйшею благодарностью въ видѣ новаго для меня опыта Монаршаго благоволенія, Всемилостивѣйшее соизволеніе, Вашего Императорскаго Величества, чтобы для напечатанія первой части сего изданія исчисленную выше сего сумму (25000 р.,), или сколько потребно будетъ, употребилъ я изъ собственнаго моего иждивенія».

Открывшаяся въ маѣ 1811 года коммиссія немедленно приступила къ дѣлу и начала печатаніе актовъ въ типографіи Всеволожскаго съ неслыханной до того времени роскошью.

Первый томъ долженъ былъ войти въ 1812 году, но его задержало нашествіе французовъ, только предусмотрительностью Бантыша-Каменскаго были спасены отпечатанные листы отъ гибели въ бѣдствіи, постигшемъ Москву. Только 22 іюля 1813 года Бантышъ-Каменскій могъ, наконецъ, написать Румянцеву: «Трудъ, благодареніе Богу, конченъ. Безсмертную Ваше сіятельство сдѣлали Отечеству услугу, даровавъ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ»!

Первая часть Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ содержитъ 203 акта и раздѣлена на три совершенно неравномѣрныхъ отдѣла: I Новгородскія грамоты—1265—1471.—№№ 1—20.

II. «Грамоты древнія великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей и всероссійскихъ государей царей:

духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и приговорныя; также записи мѣновныя, поручныя и подручныя россійскихъ бояръ и дворянъ», 1328—1584 гг., №№ 21—202.

III. «Избраніе на царство государя царя Михаила Ѳеодоровича» грамота, утвержденная отъ мая 1613 года.

Какъ видимъ, содержаніе этой части въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ I и II томами. «Древней Россійской Вивліофики», на которую, можетъ быть именно въ виду этого, сдѣлано нападеніе въ предисловіи:

«Испытатели древностей Россійскихъ и желавшіе пріобрѣсть познанія въ Дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ въ Древней Вивліофикѣ помѣщенныхъ; имъ потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего Отечества у иностранныхъ писателей, и сочиненіями ихъ руководствоваться; но недостаточныя свѣдѣнія чужеземцевъ и ошибочныя ихъ сужденія невсегда удовлетворяли изысканіямъ историковъ; а молодыхъ людей, встрѣчающихъ безъ указателя въ сіе невѣдомое поприще, часто приводили въ недоумѣніе».

Грамоты Новгородскія, начинающіяся договорами Новгородцевъ съ Тверскими князьями и заканчивающіяся договорными 1) Новгорода съ вел. кн. Литовскимъ Свидригайломъ 2) Новгорода съ вел. кн. Иваномъ III., толко въ послѣднее время замѣнены изданіемъ несравненно болѣе совершеннымъ А. А. Шахматова. Печати же выгравированныя и помѣщенныя при нихъ, до сихъ поръ еще не дождались свѣтопечатнаго воспроизведенія, кромѣ древнѣйшихъ, прекрасно изслѣдованныхъ А. В. Орѣшниковымъ.

Духовныя и договорныя грамоты, идущія съ Ивана Даниловича Калиты, представляютъ акты наиболѣе извѣстные и разработанные въ наукѣ. Можно лишь пожалѣть, что эти драгоцѣнные подлинники не изданы какъ акты Меровингской эпохи у французовъ (съ каковыми ихъ и можно сравнить по національному значенію) въ видѣ альбома геліогравюрныхъ снимокъ. Пользуясь случаемъ, среди печатей отмѣтимъ фактъ серебряной вызолоченной буллы митрополита Алексѣя. Онъ показываетъ, что византійское вліяніе передалось безъ системы. Въ Византіи митрополичьи хрисовулы были бы не мыслимы. Правомъ этимъ

не пользовались и вселенскіе патріархи. Изъ великокняжескихъ хрисовуловъ не достаетъ лишь печати вел. кн. Василія Темнаго но что такія существовали, это извѣстно изъ источниковъ, и между прочимъ изъ одного челобитья аѳонскихъ монаховъ. Можно пожалѣть объ одномъ—печати срисованы были спѣшно и до крайности не точно. Палеографическіе признаки искажены до полной безполезности искать въ ихъ буквахъ фантастическаго шрифта, придуманнаго граверомъ.

Высокій историческій интересъ представляютъ грамоты, правильнѣе записи клятвенныя, начинающіяся документомъ отъ 1474 года, по которому князь Данило Дмитріевичъ Холмскій обязуется не отъѣхать отъ осподаря своего великаго князя Ивана. Рядомъ съ записью напечатана и поручная бояръ по князѣ Холмскомъ.

Такихъ поручныхъ было взято восемь. При Иванѣ Грозномъ этотъ родъ документовъ изобилуетъ; рядъ поручныхъ и вслѣдъ за ними поручныхъ по поручникамъ, уже на громадныя по тому времени суммы денегъ, ярко рисуетъ намъ настроеніе царя. Въ дипломатическомъ отношеніи эти акты важны какъ подлинники, иногда покрытые автографическими подписями (дающими, между прочимъ, матеріалъ для опредѣленія степени грамотности придворнаго дворянства XVI вѣка).

Драгоцѣннымъ документомъ въ первой части является и знаменитый актъ соборный 1566 года (въ послѣднее время очень остроумно разобранный В. О. Ключевскимъ), озаглавленный какъ—«грамота приговорная духовныхъ особъ, бояръ, окольничихъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и купцовъ, учиненная по приказанію царя Іоанна Васильевича объ отказѣ присланнымъ отъ польскаго короля посламъ въ перемирьѣ...» и т. д.

Единственный въ своемъ родѣ, колоссальнаго историческаго значенія, документъ представляетъ грамота утвержденная «о избраніи на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ». Находились скептики, которые тайкомъ говорили, что де грамота не настоящая, что въ ней князь Дмитрій Пожарскій писался уже бояриномъ. Такія сомнѣнія однако напрасны. Въ самой грамотѣ сказано, что она написана въ маѣ 1613 года, то есть въ царствованіе уже Михаила Ѳеодоровича, когда Пожарскій былъ пожалованъ боярствомъ. Документъ написанъ на цѣлыхъ открытыхъ листахъ бумаги, подклеенныхъ въ видѣ столбца. Удивительно, что онъ не хранился съ особой

бережью, время повліяло на него гораздо больше, чѣмъ на многія много древнѣйшія грамоты—актъ ветхъ и существенно необходимо было бы сдѣлать съ него факсимиле [1]). Еще болѣе удивительно, что частное факсимиле имѣется въ изданіи, гдѣ всего менѣе слѣдовало бы ожидать его, а именно въ исторіи «Царской охоты». Ни Академія, ни архивъ, ни Коммиссія не имѣли средствъ издавать палеографическіе альбомы; но вотъ на счастье науки—князья наши и цари «дѣяли ловы», благодаря чему въ исторіи великокняжеской охоты мы имѣемъ нынѣ свѣтопечатные снимки съ Новгородскихъ грамотъ и другихъ историческихъ документовъ. Впрочемъ всѣ эти снимки остаются для ученыхъ все таки малодоступными, ибо каждый томъ изданія стоитъ 50 рублей.

Вторая часть собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ вышла черезъ значительный промежутокъ времени, именно въ 1819 году и озаглавлена, какъ дополненіе къ первой части, что и правильно, такъ какъ она, начинаясь съ древнѣйшихъ грамотъ доходитъ лишь до воцаренія дома Романовыхъ. Составъ 288, изданныхъ въ этой части документовъ очень разнообразенъ и важенъ, но въ дипломатическомъ отношеніи рѣзко отличается отъ первой части. Въ первой части преобладаютъ подлинники, во второй—списки. Первая часть наполнена актами изъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, во второй—использованъ рядъ копій, заимствованныхъ изъ разныхъ мѣстъ и впервые початы драгоцѣнные портфели Миллера, изъ коихъ взяты документы эпохи смутнаго времени. «Сіи то самые акты», говорится въ предисловіи, «едва-ль кому свѣдомые, обогащаютъ своею рѣдкостью вторую часть собранія Государственныхъ Грамотъ и придаютъ ей вящую цѣну предъ первою; ибо всѣ принадлежатъ къ смутнымъ временамъ и бывъ, по тогдашней политикѣ, истреблены внутри России, сохранились только въ отдаленныхъ ея областяхъ».

Изъ копій, изданныхъ въ этой части, замѣчательнѣйшимъ являются договоры Смоленскихъ князей съ Ригою; — ярлыки монгольскихъ хановъ; письмо князя Эдигея къ вел. кн. Василію Дмитріевичу; духовная митрополита Фотія; шертныя Казанскихъ царей; чины вѣнчаній царей и митрополитовъ.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что № 37 — «Воззваніе царя

---

[1]) Сдѣлано М. О. И. И. Д. Р. въ 1904 году.

Іоанна Васильевича къ собравшемуся въ Москвѣ передъ лобнымъ мѣстомъ народу»—взятое изъ вставныхъ листовъ одной рукописи, апокрифическимъ (см. соображенія С. Ѳ. Платонова).

Румянцевъ особенно дорожилъ извлеченіями изъ портфелей Миллера. «Да не устрашитъ Васъ», писалъ онъ Малиновскому, «обширное поприще въ собираніи актовъ для сея II-й части: чѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ Вамъ чести, а мнѣ удовольствія!» «Благословение памяти Миллера!» восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ, «за столь полезное для отечественной исторіи нашей изъ Сибирскихъ архивовъ пріобрѣтеніе».

Рядъ подлинниковъ, изданныхъ въ этой части также представляетъ необыкновенно важные въ историческомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ памятники.

Отмѣтимъ, напримѣръ, грамоту уложенную, объ учрежденіи въ Россіи Патріаршескаго престола (1589). Этотъ документъ на большомъ листѣ пергамента, съ надписями участниковъ Собора, закрѣпленъ приложеніемъ государственной печати, двухъ патріаршихъ, двухъ митрополичьихъ и рядъ епископскихъ. Интересно, что греческій патріархъ привѣсилъ не свинцовую буллу, а подобно русскому духовенству красновосковую. Печати эти доселѣ не воспроизведенныя болѣе точно, изобилуютъ иконографическими изображеніями.

Въ историческомъ отношеніи, не менѣе цѣннымъ, является отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія (1591). Тщательное изданіе его сопровождено рядомъ интересныхъ снимковъ съ надписью всѣхъ допрошенныхъ подсудимыхъ и свидѣтелей.

Необыкновенную историческую и дипломатическую важность имѣютъ документы, касающіеся Лжедимитрія. Они извлечены изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ дѣлъ «о самозванцахъ». Въ этотъ отдѣлъ попали между прочимъ грамоты и письма Лжедимитрія, бумаги Мнишковъ, нѣкоторые документы, касающіеся второго самозванца и т. д. напримѣръ:

Подъ № 76 напечатана «Запись Лжедимитрія за собственноручнымъ его подписаніемъ» на польскомъ и русскомъ языкахъ, данная въ Самборѣ Сендомирскому воеводѣ Юрью Мнишкѣ»... отъ 25 мая 1604 года. Чрезвычайно любопытны и печать, приложенная на западный манеръ подъ бумажкой и автографъ «царевича Дмитрія».

№ 79.—представляетъ грамоту жалованную отъ 12 іюня

1604 года съ печатью вислой, но на польскій образецъ красно-восковая печать втиснута въ круглый ковчегъ или кустодію простого воска. По изображенію печать сходна съ той, что находится въ актѣ № 76.

Подъ №№ 87, 88, 95, 99, 102 и т. д. нѣсколько писемъ отъ Лжедимитрія № 104—грамота отъ Лжедимитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5 ноября 1605 года, снабжена большой государственной печатью, сдѣланной уже въ Москвѣ, а слѣдующій затѣмъ (№ 105) Наказъ Бучинскому подписанъ »Inperator» и запечатанъ малою печатью, которая называлась, кажется «таіною».

№ 130.—жалованная грамота Львовскому клиру отъ февраля 1606 года, снабжена среднею или малою государственною печатью, прекрасной русской работы. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь всѣ виды печати Лжедимитрія. Весьма интересны письма Марины къ отцу—съ надписью ея и печатью съ двуглавымъ орломъ (№ 178) и грамота второго самозванца къ Мнишку отъ 12 апрѣля 1609 года, также съ приложеніемъ очень любопытной печати (№ 179).

Изъ русскихъ подлинниковъ отмѣтимъ грамоту отъ имени вдовы Бориса Годунова, рядомъ съ именемъ сына и дочери; а изъ оригиналовъ «Смутнаго времени»—№ 199—договорную запись польскаго Гетмана Станислава Жолкевскаго съ Московскими боярами. На актѣ находятся подписи съ польской стороны; противная—съ надписями русскихъ бояръ вѣроятно былъ увезенъ въ Польшу. Печать Жолкевскаго къ сожалѣнію искрошилась.

Чрезвычайная рѣдкость и интересъ должны быть признаны за двумя грамотами (№№ 276 и 277) отъ бояръ, осажденныхъ въ Москвѣ, съ увѣщаніемъ въ Кострому и Ярославль, отъ 25 и 26 января 1612 года, чтобы признали Владислава и помогали князю Трубецкому и Заруцкому. Подписи бояръ и дьяковъ факсимилированы, почему нѣкоторыя лица (замѣтимъ кстати) и не попали въ указатель,

Третья часть Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ вышла въ свѣтъ въ 1822 году и содержитъ 184 акта съ 1613 по 1656 годы.

Въ этомъ томѣ слѣдуетъ въ дипломатическомъ отношеніи отмѣтить подлинную грамоту Королевича Владислава къ чинамъ русской земли отъ августа 1618 года. Актъ конечно единственный въ своемъ родѣ.

Затѣмъ № 46—утвержденная грамота іерусалимскаго Патрі-

арха Θеофана относительно избранія Филарета. Никита во Всероссійскіе патріархи (съ прекраснымъ снимкомъ подписи и буллы) и № 74.—Утвердительная грамота россійскаго духовенства Патріарху Филарету взамѣнъ настольной грамоты, сгорѣвшей въ пожарѣ 1626 года.

№ 113. Земскій Соборъ объ Азовскомъ сидѣніи 1642 года.

№ 132. Интереснѣйшій документъ отъ лица самозванца Тимоθея Анкудинова, писанный въ Венеціи въ 1648 году (свидѣтельство въ родѣ какъ бы жалованной грамоты). Интересны также документы относительно присоединенія Малороссіи (между прочимъ № 172—листъ за подписью Богдана Хмѣльницкаго).

Канцлеръ не дождался выхода въ свѣтъ четвертой книги Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ: она появилась лишь въ 1828 году, снабженная пятью палеографическими таблицами и огромнымъ личнымъ и географическимъ указателемъ. 221 документъ этого огромнаго тома обнимаютъ 1656—1696 годы и содержатъ рядъ историческихъ актовъ первостепенной важности. Съ дипломатической стороны мы упоминаемъ акты, касающіеся дѣла Патріарха Никона. Напримѣръ, актъ № 27—за подписями (факсимилированы) вселенскихъ патріарховъ и митрополитовъ; № 28 письмо къ царю Паисія Лигарида, 1663 годъ; № 37—грамота патріарха іерусалимскаго Нектарія; № 53—извѣстительная грамота патріарховъ о низверженіи Никона. № 67—представляетъ подлинный актъ избранія въ Гетманы Демьяна Многогрѣшнаго; цѣлая тетрадь съ многочисленными надписями (къ сожалѣнію даже главнѣйшія не выгравированы).

Вообще въ этомъ томѣ издано нѣсколько очень цѣнныхъ и интересныхъ и касающихся Малороссіи подлинниковъ. Такъ отмѣтимъ № 113—грамоту похвальную отъ царя Θеодора Алексѣевича полковнику Θедору Молчану (1678), съ приложенной подъ бумажкой большой государственной печатью.

Подъ № 130 напечатано соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества (но не показано сохранилось ли оно въ подлинникѣ).

Предисловіе къ четвертому тому закончено словами: «Дальнѣйшее продолженіе сего изданія, по содержанію Высочайше конфирмованнаго въ 3-й день мая 1811 года доклада, поступило въ вѣдѣніе государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженія. Пятымъ томомъ можетъ начаться печатаніе договоровъ Россіи съ Европейскими и Азіятскими государствами».

«Распоряженіе» это заключалось въ томъ, что было отпечатано безъ всякой системы нѣсколько листовъ, которые болѣе 50 лѣтъ валялись въ складахъ архива и только недавно, совершенно устарѣвшіе и лишившіеся своего значенія, выпущены въ свѣтъ, скорѣе въ видѣ тетради, чѣмъ тома.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ содержитъ въ себѣ такое количество основныхъ историческихъ актовъ русской исторіи, что ознакомленіе съ нимъ обязательно для всякаго лица, желающаго получить понятіе о дипломатическихъ источникахъ исторіи русскаго государства.

Слава Румянцеву и за роскошное изданіе, соотвѣтственное важности матеріала, и за тѣ научные пріемы, которые при этомъ были примѣнены. Мысль Румянцевскаго кружка о разработкѣ вспомогательныхъ историческихъ знаній, надолго замолкла вмѣстѣ съ его распоряженіемъ.

Поучительна жизнь Павла Михайловича Строева, котораго нѣкоторые считаютъ создателемъ русской археографіи. Болѣе пятидесяти лѣтъ трудился онъ на поприщѣ русской науки, но все время какъ то оставался въ тѣни и если бы не обширный біографическій трудъ Н. П. Барсукова [1]), можетъ быть дѣятельность Строева никогда не получила бы должной оцѣнки. Самъ біографъ въ предисловіи оговаривается: «по своимъ дарованіямъ П. М. Строевъ могъ бы, конечно, играть видную роль на болѣе блестящемъ поприщѣ, но «вся красная міра сего» принесъ онъ въ жертву скромной области Русской Археографіи, и ея ради лучшіе годы жизни провелъ онъ въ монастырскихъ и сборныхъ хранилищахъ древней письменности, въ архивахъ, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда, по словамъ самого Строева, «груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены были для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе» (стр. II) Біографъ какъ бы предрѣшаетъ, что занятія Россійской Археографіей не совмѣстимы съ «красными міра сего» и для человѣка выдающихся способностей является жертвой, добровольнымъ отказомъ отъ видной роли на иныхъ, «блестящихъ» поприщахъ. Не будемъ говорить, соотвѣтствуетъ ли эта характеристика и современному положенію дѣлъ, но по отношенію къ Строеву она невольно вырвалась у біографа, какъ резюме всей его толстой

---

[1]) „Жизнь и труды П. М. Строева“ (Спб. 1878. 8°).

книги. Судьба Строева характеристична и назидательна. Павелъ Михайловичъ Строевъ родился въ Москвѣ въ 1796 году и умеръ тамъ же 5 января 1876 года, не доживъ нѣсколько мѣсяцевъ до восьмидесяти лѣтъ. Вся его дѣятетьность принадлежала Москвѣ, изъ которой онъ выѣзжалъ только на недолгіе сроки. Строевъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, средняго достатка имѣвшій нѣкоторыя связи, но не примыкавшій къ Московской аристократіи. Очень рано лишившійся матери, заботливо, но строго воспитанный отцомъ, Павелъ Михайловичъ является передъ нами съ чертами твердаго характера, человѣкомъ, суровость котораго, по увѣреніи его біографа, скрывала доброе сердце.

Въ этомъ послѣднемъ можно, пожалуй, и сомнѣваться, да оно и не важно. Важно то, что Строевъ былъ самостоятеленъ и гордъ, съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Эти то особенности его характера и объясняютъ намъ его судьбу.

Тщательное домашнее воспитаніе и знаменитый Московскій Университетскій благородный пансіонъ сдѣлали то, что въ 1812 году шестнадцатилѣтній Строевъ выдержалъ экзаменъ въ Университетъ и съ августа 1813 года сталъ слушать лекціи, особенно подчиняясь вліянію талантливыхъ профессоровъ Каченовскаго и Тимковскаго.

Въ декабрѣ того же 1813 года, фактъ можно сказать невѣроятный, студентъ Строевъ представилъ въ цензуру трудъ своего сочиненія—«Краткую Россійскую Исторію», которая и была выпущена въ свѣтъ въ 1814 году. На этой книжкѣ, сочиненной семнадцатилѣтнимъ юношей, училось не одно поколѣніе и что еще замѣчательнѣе это то, что по авторитетному отзыву И. И. Срезневскаго, учебникъ этотъ «заслужилъ вниманіе знатоковъ и педагоговъ, и, какъ рѣдкое въ этомъ родѣ явленіе того времени, въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ вниманія». Почти въ тоже время Строевъ печатаетъ статьи «о художникѣ Парамыгинѣ» и «о родословіи владѣтельныхъ князей Русскихъ» («Сынъ Отечества», 1814 года).

Въ послѣдней—умной и горячей—статьѣ юноша авторъ выражаетъ свои мысли, оправданныя имъ потомъ въ составленіи извѣстнаго «ключа» къ исторіи Карамзина.

Въ мартѣ 1815 года студентъ Строевъ выступаетъ съ собственнымъ журналомъ «Современный наблюдатель Россійской словесности», издававшійся очень не долго (вышло всего 18 №№), но обратившій всеобщее вниманіе. Девятнадцатилѣтній студентъ выступилъ съ рядомъ критическихъ статей и между прочимъ

разнесъ «Россіаду» Хераскова. Статьи Строева обратили вниманіе Румянцева и это имѣло рѣшающее значеніе для Строева — онъ сталъ присяжнымъ археографомъ. Замѣчательно, что впослѣдствіи онъ даже питалъ какое то отвращеніе къ журнальнымъ статьямъ.

Въ Строевѣ мы видимъ примѣръ необыкновенно ранняго развитія, съ юношеской горячностью соединяется критическій тактъ и большая начитанность. На студенческой скамьѣ обнаруживается такой блескъ способностей, что казалось бы передъ нами проявленіе и первые шаги будущаго великаго мыслителя. Къ сожалѣнію, какъ это бываетъ нерѣдко именно съ скороспѣлками, Строевъ не вполнѣ оправдываетъ апріорныя предположенія, вызываемыя его ранними работами. Апогеемъ изслѣдовательской дѣятельности Строева является введеніе къ изданному имъ Софійскому Временнику (М. 1822 24⁰), въ которомъ онъ впервые выразилъ убѣжденіе въ томъ, что наши лѣтописи суть своды. Благодаря благодѣтельнымъ порученіямъ Румянцева, я разумѣю археографическія поѣздки въ монастыри, Строевъ въ 1823 году выразилъ и задачу, которой въ сущности онъ посвятилъ свою долгую жизнь — приведеніе въ извѣстность и систематизацію сохранившихся памятниковъ письменности.

Избранный въ члены «Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» онъ 14 іюня 1823 года произнесъ рѣчь: «О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ Отечественной исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обрабатывать оные», въ которой и указалъ на необходимость археографической Экспедиціи въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Съ этого времени, углубляясь въ археографію, Строевъ добровольно все болѣе и болѣе ограничивается служебной ролью составителя указателей, и др. справочныхъ книгъ. Критицизмъ его и изслѣдовательская жилка не исчезаютъ, но размѣниваются на мелочи въ критикѣ частностей. Строевъ нашелъ свою спеціальность. Тщательный работникъ и строгій систематикъ во всемъ, онъ дѣйствительно съ необыкновенной любовью и мастерствомъ обрабатывалъ свои указатели. Огромный трудъ къ громадѣ Карамзина до сихъ поръ оправдываетъ свою высокую репутацію.

Надо замѣтить впрочемъ, что, можетъ быть, П. М. Строевъ сознательно устранился отъ писанія историческихъ статей, лелѣя въ душѣ выполненіе грандіозныхъ справочныхъ предпріятій,

польза отъ которыхъ была бы, по его убѣжденію, неизмѣримо больше всего, что онъ могъ бы составить, какъ изслѣдователь. Всю жизнь онъ думалъ и подбиралъ матеріалы для «Библіологическаго словаря русской письменность» и «списковъ Россійскихъ іерарховъ и настоятелей монастырей. Чтобы понять грандіозность этихъ задачъ, надо вспомнить, что во времена Строева собранія рукописей и монастырскіе архивы представляли «terram incognitam» необозримаго археографическаго пространства. При жизни — во время — Строевъ не получилъ поддержки и годами забрасывалъ свой трудъ, но по смерти его — жалкіе обрывки черновыхъ устарѣвшихъ записокъ удостоились немедленнаго изданія. Россія любитъ чествовать умершихъ дѣятелей! «Библіологическій словарь» былъ напечатанъ Академіей Наукъ, а «Списки іерарховъ» были воспроизведены съ значительнымъ легкомысліемъ и наивностью членомъ Археографической Коммиссіи М. И. Семевскимъ, который, если мнѣ неизмѣняетъ память, за свой корректорскій трудъ былъ награжденъ такимъ орденомъ до котораго не дожилъ въ теченіе своей восьмидесятилѣтней жизни самъ авторъ списковъ. Впрочемъ что значитъ сей эпизодъ передъ фактомъ, совершившимся въ наши дни, когда издатель книги Звенигородскій за чужое сочиненіе стяжалъ семнадцать звѣздъ (въ томъ числѣ одну русскую) и отъ двухъ иностранныхъ университетовъ почтенъ степенью доктора!

Можно съ увѣренностью сказать, что на археографическое поприще направилъ П. М. Строевъ все тотъ же незабвенный графъ Н. П. Румянцевъ. Собственноручная записка Строева гласитъ: «Въ исходѣ 1815 года, сдѣлавшись извѣстенъ по историческимъ статьямъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» покойному Государственному Канцлеру, я былъ приглашенъ его сіятельствомъ къ занятію должности Главнаго смотрителя въ Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Обрадованный слишкомъ лестнымъ, для девятнадцалѣтняго юноши, призывомъ — я оставилъ Университетъ, не окончивъ курса». Кромѣ работъ по изданію 2 и 3 части «Собр. Госуд. Грам. и Догов.» Строевъ выполнялъ разныя порученія Румянцева и между прочимъ въ 1817 году совершилъ экскурсію для обозрѣнія монастырей Московской епархіи. Составленный въ это время каталогъ рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря явился (по словамъ Ундольскаго) первымъ ученымъ описаніемъ рукописей.

Часть открытій Строева была напечатана на иждевеніе Ру-

мянцева такъ въ 1819 году изданъ былъ Судебникъ Іоанна III, а въ 1822-мъ «Софійскій Временникъ».

Вскорѣ послѣ этого Румянцевъ почему-то охладѣлъ къ Строеву, а тотъ немедленно вышелъ въ отставку и между прочимъ занялся составленіемъ «ключа по исторіи Карамзина», который однако несмотря на рекомендаціи Пушкина, хлопотавшаго черезъ Блудова, семь лѣтъ пролежалъ въ портфелѣ у автора.

18 марта 1828 года письмомъ къ президенту Императорской Академіи Наукъ С. С. Уварову Строевъ приступилъ къ предпріятію, которое имѣло неисчислимыя послѣдствія не для него одного. Письмомъ этимъ Строевъ просилъ объ организаціи обширной археографической экспедиціи, которая бы въ теченіе нѣскольких лѣтъ объѣхала бы Европейскую Россію, начиная съ сѣвера, и дополнила труды знаменитыхъ академическихъ путешественниковъ XVIII столѣтія. «Раздѣлять подвиги Академіи», писалъ Строевъ «стать въ ряду знаменитыхъ ея членовъ—путешественниковъ: вотъ моя награда, вотъ мечта моего честолюбія!» За проектъ горой стоялъ академикъ Ф. И. Кругъ, благодаря стараніямъ котораго, дѣло было утверждено общимъ собраніемъ Академіи и представлено на усмотрѣніе высшаго начальства. 14 іюля 1828 года было объявлено Высочайшее соизволеніе и предпріятіе Строева стало осуществляться съ 1829 года. Смыслъ предпріятія выраженъ первыми двумя параграфами проекта:

«§ 1. Цѣль Археографическаго путешествія по Россіи есть обстоятельное познаніе всѣхъ (буде возможно) письменныхъ памятниковъ и пособій Отечественной Исторіи, Дипломатики, древней статистики, прежняго Законовѣденія и прочихъ, кои находятся въ монастырскихъ, соборныхъ, духовно-училищныхъ и другихъ библіотекахъ; въ старыхъ архивахъ городовъ, судебныхъ мѣстъ и проч.

§ 2. Поелику историческіе, дипломатическіе и прочіе акты наиболѣе уцѣлѣли въ тѣхъ мѣстахъ, кои рѣже другихъ подвергались частымъ въ прежнія времена нашествіямъ враговъ и сопряженному съ тѣмъ опустошенію и пожарамъ, то поприщемъ путешествующаго Археографа должна быть преимущественно сѣверо-восточная часть Европейской Россіи, богатая обителями и ихъ книгохранилищами. Онъ объѣдетъ также среднія губерніи и нѣкоторыя изъ западныхъ, но не коснется южнаго края, гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи были однѣ безлюдныя степи, или, какъ называли въ старину, поле. Черта

сего поля есть южный предѣлъ Археографическаго путешествія».

По проэкту Строевъ набиралъ на себя невозможную массу работы, которой конечно не былъ въ состояніи исполнить. Такъ § 9 говоритъ: „въ каждомъ изъ книгохранилищъ монастырскихъ и иныхъ духовнаго вѣдомства, Археографъ обязанъ составить обстоятельный каталогъ всѣхъ (безъ исключенія) находящихся тамъ рукописныхъ книгъ, грамотъ и другихъ актовъ». Такая задача неисполнена и до сихъ поръ; § 15 подъ видомъ «общей росписи» обѣщанъ былъ и «библіологическій словарь» по окончаніи экспедиціи.

Для переписки актовъ Строевъ нанялъ отъ себя двухъ помощниковъ съ которыми заключилъ удивительно подробное и до мелочей оговоренное условіе, и передъ Академіей Наукъ ходатайствовалъ объ испрошеніи открытыхъ листовъ съ разнаго рода полномочіями. Въ этомъ отношеніи археографъ былъ въ высшей степени предусмотрителенъ: отъ оберъ-прокурора святѣйшаго Сѵнода, онъ между прочимъ испрашивалъ, чтобы: «... въ монастыряхъ, гдѣ есть гостинницы для богомольцевъ Экспедицію помѣщать въ нихъ; а гдѣ нѣтъ таковыхъ, отдѣлять приличную келью, съ отопленіемъ зимою; за что Археографъ бѣднымъ обителямъ не приминетъ дѣлать соразмѣрные вклады».

Начальство Академіи исходатайствовало П. М. Строеву открытые листы отъ гг. Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія; но Святѣйшій Сѵнодъ во всемъ просимомъ у него для Экспедиціи отказалъ рѣшительно (Барсуковъ, стр. 174).

15 марта 1829 года Археографическая Экспедиція выѣхала изъ Москвы прямо въ Архангельскъ. Въ Соловки Строеву не удалось попасть, но по губерніи онъ объѣздилъ многіе монастыри и между прочимъ въ Антоніевомъ-Сійскомъ нашелъ знаменитое Евангеліе 1339 года и путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царь-градъ. «Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Архангельска П. М. Строевъ нашелъ случайно въ Архивѣ тамошней Консисторіи сундукъ съ древними документами, о коемъ, какъ писалъ онъ Фусу — и сама Консисторія не вѣдала. Сіи документы были собраны лѣтъ за 20-ть передъ симъ изо всѣхъ монастырей и церквей для сочиненія чего-то, и потомъ будучи заброшены подверглись нѣсколько гнилости. По представленію Строева Консисторія предположила улучшить будущую участь манускриптовъ» (Барс. стр. 184). Въ Шен-

курскѣ археографъ пріобрѣлъ греческую рукопись XIV вѣка, на пергаментѣ, творенія св. Григорія Богослова, изъ Ватопедской обители на Афонѣ и грузинскую рукопись 1350 года, писанную на Аѳонѣ и содержащую Номоканонъ.

Обѣ рѣдкости Строевъ съ торжествомъ отправилъ въ Академію Наукъ и получилъ неожиданный репримандъ. По порученію Академіи Кругъ извѣстилъ Строева—«... по сему ограничьтесь впередъ покупкою только такихъ предметовъ, кои въ ближайшемъ отношеніи къ Отечественной Исторіи». Тогдашній собиратель рукописей и страстный любитель древностей графъ Толстой пытался перекупить рукописи у Академіи, но тщетно—общее собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило рукописей графу Толстому не отдавать. Графъ утѣшился слѣдующимъ письмомъ: «Процесъ сей хотя мною и проигранъ, но нѣтъ худа безъ добра, я изъ него вывожу для себя большую пользу, а именно: не впродолжительномъ времени ты получишь отъ Академіи предписаніе, подобныхъ нынѣ присланнымъ въ Академію не присылать, а добывать ихъ въ мою библіотеку. Надѣюсь, что ты, по дружбѣ своей ко мнѣ, предписаніемъ симъ воспользуешься». (Барсук. стр. 186).

Изъ Архангельска Строевъ передвинулся въ Вологодскую губернію и получилъ отъ Вологодскаго архіерея открытый листъ, который однако не спасъ отъ приключеній. Приказано было допускать до осмотра библіотекъ и архивовъ, на счетъ же помѣщеній ничего сказано не было. По этой причинѣ архимандритъ Спасо-Прилуцкаго монастыря отвелъ для занятій археографовъ такой «покой», что они отъ сырости простудились и оба спутника Строева подали просьбы объ увольненіи. Годъ кончился и Строевъ испросилъ отпускъ, чтобы пробыть въ Петербургѣ съ конца декабря по конецъ января 1830 года и постараться устроить дѣла экспедиціи, между прочимъ исхлопотать листъ отъ Сѵнода. Январь 1830 года Строевъ проводилъ, почивая на лаврахъ, Академія Наукъ встрѣтила его очень хорошо и одна лишь забота была у археографа—необходимость найти помощника, который хорошо бы читалъ старинную скоропись и былъ бы достаточно образованъ для археографической дѣятельности подъ его руководствомъ. Судьба послала ему Яковъ Ивановича Бередникова, весьма образованнаго чиновника, побывавшаго въ Казанскомъ и Московскомъ Университетахъ. Новый помощникъ явился настоящимъ сотрудникомъ Строева и неоднократно исполнялъ самостоятельныя порученія,

одинъ осматривалъ и описывалъ архивы; отдѣльно ѣздилъ въ дальніе монастыри. Четыре года Строевъ и Бередниковъ работали вмѣстѣ, не разъ Строевъ оказывалъ себя строгимъ начальникомъ, онъ не предвидѣлъ каприза фортуны, что настанетъ время, когда роли ихъ перемѣнятся.

Въ январѣ 1830 года выхлопотана была, наконецъ, и нѣкая Сѵнодальная уступка: «Святѣйшій Сѵнодъ для облегченія Экспедиціи полагалъ сдѣлать отъ себя частныя предписанія преосвященнымъ и прочимъ подвѣдомымъ ему мѣстамъ о удовлетвореніи чиновниковъ Экспедиціи приличными квартирами, гдѣ только будетъ возможно, для чего Оберъ-Прокуроръ и просилъ увѣдомленія, по какимъ именно губерніямъ имѣетъ быть поѣздка Экспедиціи въ нынѣшнемъ году» (Барсуковъ, 203).

Въ 1830 году были осмотрѣны Экспедиціей губерніи Вологодская и Костромская. По случаю холеры пришлось бросить Ярославль и переѣхать въ Москву, которая вскорѣ послѣ этого была оцѣплена кардономъ. Наибольшіе матеріалы въ этомъ году далъ, кажется Кирило-Бѣлозерскій монастырь Въ 1831 году Строевъ много извлекъ матеріаловъ изъ книгохранилищъ Троице-Сергіевой Лавры и началъ занятія въ Ярославской Епархіи, Бередниковъ самостоятельно осматривалъ Романовъ, Рыбинскъ, Пошехонье, Угличъ и т. д.

Нельзя не отмѣтить, что рядомъ съ историческими актами Строевъ собиралъ отдѣльно дипломатическое собраніе всевозможныхъ документовъ въ подлинникахъ.

Въ этомъ же году собранные Экспедиціей документы были классифицированы и списаны въ четыре тома. Въ началѣ 1832 года С. С. Уваровъ представилъ ихъ Государю Императору, который продержалъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ у себя въ кабинетѣ и прочелъ отъ доски до доски.

Въ 1832 году Строевъ работалъ неутомимо въ Москвѣ, а Бередниковъ въ родномъ Тихвинѣ, Устюжнѣ и въ Новгородѣ, куда въ концѣ мая поѣхалъ и самъ Строевъ. Изъ Новгорода археографы поѣхали въ Псковъ, а затѣмъ перебрались въ Тверь, откуда впрочемъ Строеву пришлось немедленно выѣхать по предписанію Академіи въ Казань, гдѣ надѣялись найти гробы князей Рязанскихъ, въ виду обнаруженія нѣсколькихъ погребеній въ развалинахъ храма въ Старой Казани. Между тѣмъ Бередниковъ дѣятельно ѣздилъ по Тверской губерніи и сдѣлалъ не мало находокъ. Такъ въ Кашинскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ

была отыскана большая рѣдкость—подлинная грамота великаго князя Тверского Бориса Александровича.

Въ началѣ 1833 года Строевъ подалъ президенту Академіи Наукъ записку, въ которой между прочимъ настаивалъ: что—«Сборъ славянскихъ рукописей, хартій и старинныхъ книгъ, въ С.-Петербургъ и Москву, въ библіотеки государственныя есть дѣло крайне необходимое. Только въ столицахъ существуютъ ученые, способные ими пользоваться». Строевъ такъ увлекся, что прибавилъ къ этому и желчную фразу: «только свѣтскіе писатели и критики принесли пользу Отечественной Исторіи» (Барс., 256).

Въ 1833 году Экспедиція ѣздила въ губерніи Владимірскую, Нижегородскую, Казанскую (въ которой оказалось очень немного—интереснѣе прочаго акты хранящіеся въ Зилантовѣ монастырѣ). Изъ Казани Строевъ поѣхалъ обратно въ Москву, а въ Вятку отправилъ Бередникова (который въ Уржумѣ отыскалъ между прочимъ бумаги упраздненнаго Цѣпочкпна монастыря). Въ 1834 году Строевъ опять прочно осѣлъ въ Москвѣ, а Бередниковъ проѣхалъ въ Александро-Свирскій монастырь, въ Олонецъ, Петрозаводскъ, въ Каргополь (гдѣ ему посчастливилось найти харатейную уставную грамоту Онежанамъ отъ 1534 года) и затѣмъ пробрался въ Соловки. Въ сентябрѣ Бередниковъ вернулся въ Москву, въ которой Строевъ закончилъ въ это время разсмотрѣніе присланныхъ Пермскихъ архивовъ и старался проникнуть въ архивъ Оружейной Палаты.

Въ отчетѣ, представленномъ въ 1834 году Строевъ подводилъ итоги Экспедиціи и между прочимъ подчеркивалъ, что актами юридическими никто еще не занимался, хотя безъ нихъ старинное правовѣдѣніе невозможно» (Барс. 277).

Начальникъ Археографической Экспедиціи былъ полонъ радужными мечтами, надѣялся на продолженіе своего дѣла и предлагалъ Академіи Наукъ—а) продолжить Археографическую Экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: болѣе сего нѣтъ; или б) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ, и «собраніе разныхъ писаній» по моимъ указаніямъ?

Академія не успѣла ничего отвѣтить археографу, которому готовился жестокій ударъ.

Біографъ Строева, большой его почитатель, Н. П. Барсуковъ—мастерски описываетъ это событіе:

«Наканунѣ того самаго дня, когда въ стѣнахъ Академіи

торжественно читался этотъ отчетъ, въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія писалась на имя автора отчета и Начальника Археографической Экспедиціи бумага доселѣ изумляющая своею неожиданностью. Содержаніе этой бумаги, отъ 28 декабря 1834 года, подписанной директоромъ Департамента Министерства княземъ Платономъ Александровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ—слѣдующее:

«Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія Министра Народнаго Просвѣщенія, Его Императорское Величество, въ 26-й день сего декабря, Высочайше соизволилъ на опредѣленіе меня предсѣдателемъ, учрежденной при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія коммиссіи, для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею актовъ о Россіи, членами же оной г. Министръ назначилъ на основаніи § 3 Высочайше утвержденныхъ 24-го Декабря, правилъ: Васъ, милостивый государь, надворнаго совѣтника Сербиновича, проффессора Устрялова и коллежскаго секретаря Бередникова».

«Такимъ образомъ», говоритъ Н. П. Барсуковъ, «дѣло созданное Строевымъ и доведенное имъ до блестящихъ результатовъ, несмотря на всѣ трудности, сопряженныя съ тогдашними путешествіями по Россіи, передавалось другому лицу, ничѣмъ доселѣ не заявившему о своей компетентности въ области Археографіи» (стр. 279).

Назначеніе Ширинскаго-Шихматова въ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи далеко не единичный примѣръ республиканскихъ воззрѣній, что военнымъ министромъ долженъ быть штатскій! Біографъ Строева ядовито излагаетъ исторію дѣятельности князя Ширинскаго-Шихматова и приходитъ къ выводу, что «съ назначеніемъ на должность предсѣдателя Археографической коммиссіи князь Платонъ Александровичъ вступалъ въ совершенно новую для него сферу дѣятельности».

Первое засѣданіе Коммиссіи было 7 января 1835 года. Бередникову было поручено приведеніе актовъ, собранныхъ Археографической Экспедиціей, въ хронологическій порядокъ и на него же возложено было продолжать дѣло Экспедиціи въ Спб. библіотекахъ и архивахъ. Строевъ два засѣданія просидѣлъ молча и затѣмъ отпросился въ Москву для приведенія въ порядокъ дѣлъ по Экспедиціи. Изъ Москвы Строева пришлось вызывать приказомъ, такъ какъ безъ него нельзя было приступить къ изданію. Только 4-го іюля могло состояться засѣданіе Коммиссіи съ бывшимъ начальникомъ Археографиче-

ской Экспедиціи. Строевъ безпрекословно взялся въ сотрудничествѣ съ Бередниковюмъ раздѣлить акты по томамъ, на четыре тома и къ слѣдующему засѣданію представилъ свои соображенія. Первый томъ взялся издавать Бередниковъ, второй—Устряловъ, третій—Сербиновичъ. Строевъ молчалъ, но когда до него дошла очередь, попросилъ его уволить отъ изданія по домашнимъ обстоятельствамъ. На слѣдующій день обиженный Археографъ подалъ Министру С. С. Уварову слѣдующій рапортъ: «Имѣя въ Москвѣ семейство, довольно многочисленное и по обстоятельствамъ домашнимъ находясь внѣ возможности жить въ С.-Петербургѣ, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство уволить меня отъ должности члена Коммиссіи. Архивы находящіеся въ Москвѣ, суть весьма обильные рудники для археографическаго разработыванія. Если Вашему Превосходительству угодно оставить при мнѣ званіе Археографа Императорской Академіи Наукъ и хотя половину жалованья, назначеннаго мнѣ изъ Государственнаго Казначейства, я съ великою охотою пріемлю на себя трудъ сей. Въ противномъ случаѣ, да позволено будетъ мнѣ: подать прошеніе о совершенномъ увольненіи изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, какъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, я буду почитать особенною честью и обязанностію содѣйствовать успѣхамъ Отечественной Археографіи, сообщеніемъ нужныхъ свѣдѣній и отвѣтами на запросы Академіи» (стр. 291).

Бѣдный гордецъ не зналъ всей силы Петербургскаго чиновничества! Въ своихъ проектахъ и отчетахъ археографъ излагалъ всѣ свои предположенія о будущихъ трудахъ и собираемыхъ матеріалахъ. Не ожидая, что его такъ оставятъ, онъ въ отчеты вводилъ упоминанія о выпискахъ и матеріалахъ для разныхъ послѣдующихъ работъ, и совершенно неожиданно оказался въ полной кабалѣ у министерства и Коммиссіи. Всѣ выписки и замѣтки оказывались теперь собственностью Коммиссіи. Тотчасъ по увольненіи Строевъ получилъ бумагу такого содержанія: «Г. Министру Народнаго Просвѣщенія угодно было приказать мнѣ обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою объ увѣдомленіи меня, для доклада Его Превосходительству, какія вслѣдствіе принятыхъ вами на себя обязанностей, собраны были Археографическою Экспедиціею историческіе матеріалы, свѣдѣнія, извлеченія, древности и проч., кромѣ актовъ, переданныхъ въ Коммиссію, гдѣ они нынѣ находятся,

и приняты ли были мѣры къ составленію «Общей росписи всѣхъ рукописныхъ пособій Отечественной Исторіи и Древней Словесности».

Строевъ понялъ, какой ударъ ему наносятъ: у него хотятъ отнять его выписки для Библіографическаго Словаря. Въ 1834 году онъ соединилъ всѣ списки съ актовъ въ 10 фоліантовъ, переданныхъ въ Коммиссію, а выписки и мелкія черновыя бумаги соединилъ въ 6 портфелей, которые онъ надѣялся использовать со временемъ. Строевъ понизилъ тонъ, грусть слышится уже въ его объясненіи: «Его Высокопревосходительство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія благоволилъ изъявить свое согласіе, чтобы иные 6 портфелей остались у меня, для составленія вышесказаннаго словаря, а, быть можетъ, и другихъ сочиненій: какъ черновыя бумаги для всякаго иного онѣ hors d'œuvre. Я употребляю возможное стараніе не умедлить представленіемъ сего Академіи для напечатанія; но опредѣлить точно времени не могу; ибо, обязанный содержать семейство довольно многочисленное, при средствахъ недостаточныхъ, долженъ буду заниматься въ Москвѣ иными работами, а здоровье мое, отъ излишнихъ напряженій въ продолженіи Археографической Экспедиціи, довольно разстроено. Смѣю припомнить Вашему Сіятельству, что по проекту Археографическаго путешествія, предполагалось два или три года на обработываніе собраннаго, и я имѣлъ полную надежду на десятилѣтнее денежное обезпеченіе отъ Академіи. Судьба рѣшила иначе».

Совѣсть зазрила Уварова и онъ выхлопоталъ Строеву 2.000 рублей ассигнаціями пенсіи, чѣмъ глубоко тронулъ отставного археографа. П. М. Строевъ, оставивъ службу, занялся приведеніемъ въ порядокъ Библіографическаго Словаря. «Если бъ», писалъ онъ Уварову, «я имѣлъ обезпеченіе къ приличному содержанію семейства, сія работа была бы единственнымъ моимъ занятіемъ: приведенное въ порядокъ приноситъ мнѣ несказанное наслажденіе. Будущее изданіе сего словаря, безъ всякаго сомнѣнія ускоритъ ходъ и направленіе нашей исторіи». Все это писано въ 1835 году, но обстоятельства такъ сложились, что не поддержанный Строевъ прекратилъ совсѣмъ работу, которую, однако, считалъ, чуть ли не цѣлью жизни.

На Строева сыпалась масса порученій, онъ сталъ въ какія-то курьезно служебныя отношенія къ Археографической Коммиссіи, изданій ея не велъ, а наводилъ всякія справки, дѣлалъ указанія и неустанно добывалъ новые и новые матеріалы, которые

нерѣдко критиковались и признавались незначительными редакторами Коммиссіи. Строевъ постепенно смирялся все болѣе и болѣе, въ 1838 году Коммиссія избрала его опять въ свои члены и Бередниковъ поздравилъ его съ достигнутымъ успѣхомъ: Съ Я. И. Бередниковымъ Строевъ поддерживалъ дѣятельную переписку, отъ Бередникова онъ узнавалъ всю подноготную, что дѣлается въ Петербургѣ. Бывшій подчиненный писалъ къ Строеву съ необыкновеннымъ самодовольствомъ, вышучивалъ и ругалъ всѣхъ и вся. Читая выдержки изъ этихъ писемъ, приведенныя у Барсукова иногда такъ и хочется воскликнуть:— «Боже! Какой ограниченный пошлякъ!»

Изданіе Археографической Коммиссіи въ первое время исключительно, а затѣмъ (очень долго) въ значительной мѣрѣ покоились на матеріалахъ, собранныхъ Строевымъ.

Мы должны обратить особенное вниманіе на актовыя изданія Археографичеткой Коммиссіи:

1) «Акты Археографической Экспедиціи».

т. I—1294—1598 гг.—Спб. 1836 4⁰
т. II—1598—1613 гг.—Спб. 1836 4⁰
т. III—1613—1645 гг. - Спб. 1836 4⁰
т. IV—1645—1700 гг.—Спб. 1836 4⁹

Въ этомъ изданіи особенно замѣчательны—рядъ договорныхъ грамотъ, грамоты уставныя, губныя, таможенныя, опись царскаго архива XVI в., грамота избранія на царство Бориса Годунова. Указы о крестьянскихъ выходахъ, акты смутнаго времени и т. д.

2) «Акты историческіе».

т. I—1334—1598—Спб. 1841 4⁰
т. II—1598—1613—Спб. 1841 4⁰
т. III—1613—1645—Спб. 1841 4⁰
т. IV—1645—1676—Спб. 1842 4⁰
т. V—1676—1700—Спб. 1842 4⁰

Изъ древнѣйшихъ отмѣтимъ—жалованныя несудимыя и тарханныя грамоты, начиная съ князя Олега Рязанскаго (знаменитый пергаменный уникъ съ миніатюрою), посланія восточныхъ патріарховъ, грамоты Россійскйхъ Митрополитовъ, грамоты Новгородскія, Судебникъ Ивана IV, дѣло о ссылкѣ Романовыхъ и т. д.

3) «Дополненіе къ Актамъ Историческимъ».

т. I кон. X в.—1613 гг.—Спб. 1846 4^0
т. II — 1613—1645 гг.—Спб. 1846 4^0
т. III — 1645—1654 гг.—Спб. 1848 4^0
т. IV — 1655—1664 гг.—Спб. 1851 4^0
тт. V—XII — 1665—1700 гг.—Спб. 1853—1872 4^0

Первый томъ, можно сказать, отличается богатствомъ своего содержанія.

4) «Акты Юридичискіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства».

I томъ in 4^0—Спб. 1838.

Юридическіе акты начинаются съ XV вѣка и идутъ по 1705 годъ; можно сказать цѣликомъ все изданіе дѣло рукъ П. М. Строева, хотя и издано не подъ его редакціей.

Названныя четыре изданія—для настоящаго времени конечно уже недостаточно полны и устарѣли, но все-таки они остаются остовомъ археографической исторіи Россіи и въ нихъ дѣйствительно собрано все важнѣйшее. Несмотря на пренебреженіе монограммами и отсутствіе снимковъ эти изданія составляютъ основной дипломатическій источникъ.

Строевъ безъ устали работалъ для Археографической Коммиссіи въ разныхъ Московскихъ Архивахъ и между прочимъ первый перебралъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ знаменитую коллекцію грамотъ Коллегіи Экономіи. Не разъ Строевъ намѣревался взять на себя какое-либо изданіе Коммиссіи, напримѣръ, онъ хотѣлъ издавать Полное Собраніе Лѣтописей, но его всегда отстраняли.

Строеву оставалось слѣдить за изданіями издали и продолжать высылать матеріалы. О ходѣ изданій онъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія, особенно о моментахъ задержекъ и борьбы съ духовной цензурой, «Вчера мы отправили», пишетъ къ брату дѣлопроизводитель Коммиссіи С. Строевъ, къ Нечаеву (оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода) «акты, касающіеся до Церкви: я заранѣе пою имъ reqviem. Муравьевъ сказалъ, что они достанутся Филарету Московскому». Другое письмо (Барс. 307) гласитъ: «Акты церковнаго содержанія до сихъ поръ еще не возвращены изъ Сѵнода. Серафимъ, увидавшись съ княземъ (то-есть предсѣдателемъ Коммиссіи княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ), сказалъ ему: «на что вамъ ету дрянь».

Иногда Строевъ пытался давать совѣты. Отмѣтимъ одинъ

очень важный и интересный указывающій на то, что Строевъ думалъ о русской дипломатикѣ: «почитаю необходимымъ», писалъ онъ 17 марта 1838 года къ предсѣдателю Коммиссіи (Бар. 321), «слѣдующее замѣтить: подлинники жалованныхъ грамотъ и иныхъ актовъ, особенно ранѣе царя Іоанна Грознаго, съ ихъ скрѣпами, утвержденіями, печатями поучительны самою наружностью, весьма важны въ отношеніяхъ дипломатическомъ, палеографическомъ и проч. У насъ недостаетъ полныхъ собраній подобныхъ дипломовъ, расположенныхъ въ системѣ и доступныхъ для ученыхъ изслѣдователей. Зачѣмъ держать ихъ въ такихъ архивахъ, каковъ Архивъ Старыхъ Дѣлъ, въ безобразныхъ грудахъ разнаго старья, подъ присмотромъ едва умѣющихъ разбирать ихъ? Покамѣстъ сіи акты не будутъ на виду, Дипломатики и другихъ отдѣловъ науки нашихъ древностей быть не можетъ». Думалъ Строевъ и о Россійскомъ дипломатаріумѣ, но это были мечты, въ его время совсѣмъ неисполнимыя. Впрочемъ словесныхъ поощреній онъ получилъ не мало. Бередниковъ умолялъ закончить «великій проэктъ собранія и изданія полнаго Русскаго Дипломатаріума». «Безъ Васъ», пишетъ Бередниковъ, «ето останется неисполненнымъ, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе. Будьте нашимъ Монфокономъ (Барс. стр. 368).

Будущему Монфокону однако скоро пришлось перестать думать о грандіозныхъ предпріятіяхъ. Съ сороковыхъ годовъ начинается переворотъ въ жизни Строева—матеріальная нужда постепенно все болѣе и болѣе начинаетъ угнетать знаменитаго археографа не умѣвшаго устроиться. Уже въ 1841 году семья Строева состояла изъ жены и 6 дѣтей, тещи и 5 человѣкъ наемной прислуги. Не смотря на неутомимую работу, дефициты стали грозить съ роковой неизбѣжностью.

Въ ноябрѣ 1841 года Строевъ предлагаетъ свое собраніе рукописей казнѣ, получаетъ отказъ и продаетъ въ 1842 году М. П. Погодину, продаетъ съ гнѣвомъ и раздраженіемъ, потому что отрывалъ продаваемое отъ своего сердца и сознавая, что это начало паденія.

Даже самая слава археографа какъ бы начинаетъ колебаться Онъ выпускаетъ въ свѣтъ превосходное изданіе—«Выходы царей» и вызываетъ грубую несправедливую критическую ругань.

Академія нравственно поддержала Строева избравъ его въ 1841 году въ адъюнкты по второму отдѣленію и въ 1847 году сдѣлала экстро-ординарнымъ, но это не улучшило матеріаль-

наго положенія труженика, нуждавшагося въ частной платной работѣ. Мало по малу непріятности одолѣваютъ Строева, онъ подумываетъ уѣхать въ деревню, остается въ Москвѣ, но сосредоточиваетъ дѣятельность на указателяхъ—къ Дворцовымъ Разрядамъ и Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей. Деньги, которыя Строевъ бралъ на составленіе этого послѣдняго труда отравляли ему окончательно всю старость. Бѣды шли одна за другой. Домъ—руину, которую воспрещено было и поправлять пришлось продать, а тутъ эмансипація крестьянъ окончательно подкосила Строева, который всегда питалъ горделивыя надежды, что въ случаѣ крайности онъ продастъ имѣніе и расчитается съ авансами коммиссіи. Крестьяне Строева всегда жили на оброкѣ и пользовались всѣми угодьями. Строевъ былъ хорошій помѣщикъ, заботился о крестьянахъ, сбавлялъ оброкъ при не урожаяхъ и радовался крестьянскому благосостоянію. Какъ извѣстно въ Россіи неурожаи сопровождаются рѣзкимъ уменьшеніемъ прироста населенія, заботы Строева вызвали явленіе обратное. Крестьянство размножилось необыкновенно и оказалось, что возьми мужики полный надѣлъ, у Строева не останется ничего. Устройство крестьянъ и составленіе уставной грамоты продолжалось нѣсколько лѣтъ во время которыхъ Строевъ просто бѣдствовалъ. Работоспособность конечно пала съ годами, заботы о хлѣбѣ насущномъ удручали ежечасно, а казенный источникъ двухтысячная пенсія давно превратилась въ мизерные сотни рублей на серебро. Создатель русской археографіи и академикъ постепенно распродаетъ все что можно, продаются гр. Уварову отдѣльные документы, которые случайно уцѣлѣли, распродается вся библіотека до пособій включительно.

«Въ послѣдній періодъ своей жизни», говоритъ біографъ Н. П. Барсуковъ, «П. М. Строевъ почти прекратилъ всякія сношенія съ столичнымъ ученымъ міромъ».

Жутко становится, морозъ подираетъ отъ этой простой фразы! Знаменитый археографъ медленно умиралъ въ нуждѣ лишенный средствъ къ работѣ.

Въ критическій моментъ полнаго обѣдненія старика Строева въ 1864 году исполнилось пятидесятилѣтіе его ученой дѣятельности, этотъ юбилей можно было соединить и съ двадцатипятилѣтіемъ вторичнаго назначенія Строева членомъ Археографической Коммиссіи. Смирившійся старецъ самъ напомнилъ объ этихъ датахъ въ письмѣ къ Калачеву, котораго просилъ переговорить съ предсѣдателемъ Коммиссіи Норовымъ. Желаніе

Строева было получить полную отставку и по этому случаю хоть сколько нибудь прибавки къ пенсіи—«болѣе сего я не желаю».

Жгучая нужда, просьба чуть не Христа ради—слышится въ этомъ письмѣ! Какъ далекъ авторъ этого письма отъ дерзкаго Строева 1830 годовъ!

Археографическая Коммиссія рѣшила ходатайствовать (заставивъ Строева написать всетаки прошеніе) объ увеличеніи пенсіи съ 571 руб. 43 коп. до полной тысячи рублей.

А между тѣмъ тайкомъ отъ Строева старый его знакомецъ М. П. Погодинъ съ обычнымъ свойственнымъ ему неистовствомъ началъ хлопотать, просто ударилъ въ набатъ, о предстоящемъ юбилеѣ. Въ Москвѣ собиралась подписка на торжественный обѣдъ, депутаціи къ Строеву (кажется по этому поводу Погодинъ писалъ—музыки не на что, а надо пѣвчихъ и выбрать имъ приличные канты) собиралась и на поднесеніе памятнаго подарка.

Широкій Погодинъ самъ сообщаетъ «я писалъ Норову о лентѣ, чинѣ и пенсіи», но своей сумятицей онъ испортилъ въ сущности все дѣло. Удалось лишь одно, Строевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и поздравленъ адресомъ Академіи Наукъ. За чинъ предстояло уплатить 108 рублей, а ихъ не было. Вмѣсто торжественнаго пріема ошеломленный Погодинъ получилъ отъ Строева ругательное письмо.

По поводу производства въ чинъ Строевъ писалъ въ Академію (къ Я. К. Гроту): «неожиданное производство въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (скажу откровенно) изумило меня, даже поразило: я всегда опасался этого производства. Высокіе чины лестны при обезпеченномъ положеніи и удобствахъ жизни, но при слишкомъ ограниченныхъ доходахъ и безпрерывно увеличивающейся дороговизнѣ на все необходимое, согласитесь сами, по истинѣ тягость. Чтобы уплатить требуемые съ меня, за повышеніе, 108 руб. сер., я долженъ въ теченіе остальныхъ восьми мѣсяцевъ текущаго года, всячески экономить, чтобы покрыть значительный дефицитъ въ моихъ скудныхъ финансахъ». Я. К. Гротъ предложилъ Строеву напечатать что-либо въ Академіи, за что она могла уплатить за него эти 108 рублей. Грустнымъ письмомъ отвѣтилъ Строевъ—онъ писалъ, что онъ уже полуслѣпой старикъ, живущій только прошлымъ. «Время когда я исписывалъ цѣлыя дести, не имѣя въ виду ни премій, ни гонораріевъ уже слишкомъ давно прошедшее....»

Просьба о пенсіи вызвала отповѣдь Министерства Финансовъ и Министра Народнаго Просвѣщенія—было указано, что «пенсіи внѣ закона назначаются только за особенныя и отличныя государственныя заслуги», почему Министръ и полагалъ, что полезная дѣятельность г. Строева уже достаточно вознаграждена пенсіей въ 571 руб. 43 коп. въ годъ.

А. С. Норовъ послѣ этого вошелъ съ особой запиской къ Министру, указывая на отличныя заслуги Строева и значеніе этого дѣла для всего ученаго сословія. На это Министръ Финансовъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, такъ какъ, по его мнѣнію «въ упомянутой запискѣ не представлено новыхъ уваженій для назначенія г. Строеву показаннаго пожизненнаго пособія...».

Годъ спустя, Строевъ писалъ къ А. Ѳ. Бычкову: «очень жаль, что прошлогоднія хлопоты Археографической Коммиссіи, объ увеличеніи моей пенсіи, не имѣли желаннаго успѣха: я одряхлѣлъ, почти ослѣпъ, не могу работать, все, что можно было продать, продалъ; остается прибѣгнуть къ займамъ, если только будутъ вѣрить; что послѣдуетъ далѣе, боюсь и думать» (Барс., 612).

Изъ всего ученаго имущества у Строева оставался завѣтный шкафъ съ черновыми матеріалами и разобранной въ систематическомъ порядкѣ перепиской. И тотъ присмотрѣлъ было себѣ Погодинъ! Строевъ не согласился только на продажу, увѣряя, что она невыгодна для самого Погодина и вмѣсто этого попросилъ въ заемъ денегъ, чтобы имѣть возможность переждать время потребное на окончательное улаженіе дѣла съ крестьянами. Погодинъ ссудилъ деньги и положительно спасъ престарѣлаго археографа, земля котораго только благодаря этому не была продана съ молотка. Чрезъ нѣсколько времени судьба сжалилась надъ Строевымъ и дала ему возможность остатокъ дней прожить спокойно.

Въ 1866 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія сталъ графъ Д. А. Толстой, который понималъ смыслъ дѣятельности Строева и его заслуги. О Строевѣ ему напомнилъ все тотъ же Погодинъ и графъ заявилъ, что онъ помимо Министра Финансовъ лично доложитъ Государю. Толстой сдѣлалъ свое дѣло быстро и благородно. Чтобы дѣло не имѣло вида подачки, онъ присоединилъ имя Строева къ Карамзину (по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія), какъ дѣятеля Карамзинской эпохи и автора ключа въ исторіи Карамзина. Когда Рейтернъ упрямо еще разъ отказался дать прибавку къ пенсіи, Толстой добился

*

своего и просто объявилъ министру Высочайшее повелѣніе. Строеву прибавлено было къ пенсіи 1.000 рублей, то-есть болѣе того, о чемъ мечталъ Строевъ и коммиссія. Министръ извѣстилъ Строева о Монаршей милости бумагой, подписанной «искренній Вашъ почитатель». Старецъ археографъ, можно сказать, воскресъ, ожили научные интересы, вновь появились книги. Послѣдніе годы жизни Строевъ переписывался съ разными лицами и дѣятельно разбиралъ свои матеріалы по спискамъ іерарховъ». Счастье пришло впрочемъ слишкомъ поздно, черезъ нѣсколько лѣтъ все усиливающейся старческой слабости Строевъ мирно почилъ послѣ долговременнаго пребыванія въ постели при полномъ и ясномъ сознаніи. Онъ какъ будто бы отдыхалъ и отлеживался за это время отъ непомѣрныхъ трудовъ молодости.

П. М. Строевъ не далъ новой теоріи въ исторіографіи, не создалъ исторической школы. Повидимому онъ какъ бы все только подготовлялъ для другихъ, но тѣмъ не менѣе значеніе его въ русской исторической наукѣ громадно.

Безъ него не было бы ни археографической экспедиціи, ни археографической коммиссіи. Разработка рукописей, изданіе актовъ, архивное дѣло—все замедлило бы свое теченіе.

Если русская историческая наука стала теперь неузнаваемой сравнительно съ положеніемъ ея при Карамзинѣ, то этимъ она обязана могучему толчку Строева, его матеріаламъ пущеннымъ въ научный оборотъ и вызывавшимъ все новыхъ и новыхъ дѣятелей.

Печальна повѣсть о томъ, какъ на глазахъ у всѣхъ, знаменитый археографъ, составитель десятка прекрасныхъ книгъ, Академикъ Академіи Наукъ—безпомощно доходилъ до обнищанія, до продажи послѣднихъ инструментовъ своего ремесла, и большое, большое спасибо графу Толстому за то, что онъ избавилъ русское правительство и общество отъ позора и не далъ Строеву увѣнчаться вѣнцомъ мученика науки, погибшаго чуть не голодною смертью среди грубыхъ и эгоистичныхъ людей.

